

Сергей Зверев

КОНТРАКТНИК

Я РОДСМ
ИЗ СОБРА

Контрактник

Сергей Зверев

Я родом из СОБРа

«Научная книга»

2012

Зверев С. И.

Я родом из СОБРа / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2012 — (Контрактник)

Некогда Алексей Чижов служил с двумя парнями из Чечни – Рамазаном и Арби. Отношения с ними у русского парня сложились по-разному. Если с Арби, жестоким и высокомерным, они с самого начала были "на ножах", то с Рамазаном Алексей подружился – тот оказался хорошим и отзывчивым товарищем. Но вот началась война в Чечне. Чижов, ставший к этому времени офицером СОБРа, вновь сталкивается со своими старыми знакомыми. Однако теперь уже их разделяет линия фронта – Арби и Рамазан воюют против федеральных войск в рядах боевиков. Теперь они враги, и чем закончится их противостояние, не знает никто...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Зверев

Я родом из СОБРа

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В армию идти, конечно, не хотелось, но почетную обязанность каждого гражданина мужского пола, достигшего восемнадцати лет, выполнять пришлось. После окончания техникума Алексея забрали. Как потом он узнал, он неправильно выразился. «Тебя призывают, боец, а не забирают», – сказал ему в военкомате, проходя мимо и услышав беседу двух призывников, пожилой капитан с черными висячими усами. Алексей тогда еще подумал, что особой разницы нет, но благоразумно промолчал. Спорить с военкоматскими офицерами выходило себе дороже. Они решали судьбу молодых ребят на ближайшие два года моментально, перебросив документы какого-нибудь умника из престижного рода войск, например, в стройбат. Поэтому Алексей проводил взглядом объемную спину в кителе защитного цвета, вздохнул и сплюнул, предварительно оглядевшись по сторонам.

Автобус, который вез призывников из Пятигорска на Ставропольский краевой сборный пункт, был на удивление пустым. Двенадцать человек расселись в нем совершенно свободно.

– Вот нормально! – проговорил высокий худой рыжеватый парень с прыщавым лицом. Он бросил свой рюкзак на сиденье и развалился рядом, свободно положив руки на спинки кресел. – С комфортом поедем, братва! Неплохо служба начинается!

Алексей внимательно посмотрел на него, вздохнул и отвернулся к окну. Такой наивный оптимизм раздражал его. Алексею был уже двадцать один год, так что нормальной службы он не ждал, хотя бы потому, что был сыном офицера и успел повидать военные гарнизоны...

– Да нормально послужим, ребята! – поддержал рыжего полноватый, наголо бритый паренек в старой шапке-ушанке и настолько истертом пальто, что нитки уже лезли из швов на рукаве. Остальные одобрителем загалдели, перебрасываясь шутками и поудобнее устраиваясь в автобусе.

Призывники были одеты как бомжи. Предельно изношенная одежда, давно потерявшая цвет, разбитая обувь – оставалось только удивляться, как такие вещи сохранились у родителей и почему их еще не выбросили. И сам Алексей был одет точно так же. На нем был старый засаленный офицерский бушлат и зимние ботинки с облупившимися носками. Как сказал один уже послуживший знакомый Алексея, все личные гражданские вещи все равно сжигаются или отбираются «дедушками» в войсках, так что одеваться во что либо приличное не имеет смысла.

«Если нас всех сейчас отпустят в Ставрополе и скажут – идите домой, мы дойдем только до первого патруля милиции», – подумал Алексей, мрачно оглядывая веселящуюся компанию. Каково же было впоследствии его удивление, когда по прибытии в часть призывников встретил старшина и, построив их, громко произнес:

– Кто хочет отправить свои гражданские вещи домой, мы отправим бесплатно. Есть такие?

Он и сам видел, что нет, но был обязан сказать это. Тогда Алексей еще матюгнулся про себя. «Стоило ехать, как чмо, и всю дорогу чувствовать на себя жалостливые взгляды! Можно было бы и потеплее и получше одеться, блин!» Но все это было потом, а сейчас Алексей Чижов, высокий худощавый парень, выпускник Пятигорского политехнического техникума, трясся в автобусе навстречу своей судьбе.

Большое и просторное помещение Ставропольского краевого сборного пункта гудело и шумело от множества голосов. Огромное количество призывников со всего края ожидали отправки в войска. Шел осенний призыв.

Несмотря на кажущуюся суету и толкотню, которая всегда возникает там, где собирается много людей, в военкомате соблюдался порядок. Несколько офицеров встречали вновь прибывших, быстро сортировали их по фамилиям, поминутно заглядывая в белые картонные папки («Наши личные дела», – сообразил Алексей), объявляли им номер команды, в составе которой они будут следовать в войска, и определяли место для временного проживания.

– Номер вашей команды – 3624! – объявил неровному строю пятигорчан старший лейтенант с сумасшедшими бегающими глазами и сорванным хриплым голосом. Говорил он быстро и в глаза никому не смотрел. – Ваша отправка через два дня! Расположитесь вон там, в правом углу. – Добрую половину помещения занимали крепко сколоченные деревянные нары с застеленными матрацами. – Все вопросы по проживанию, приему пищи и так далее к сержанту Пономаренко! Вопросы, жалобы, предложения, просьбы, заявления есть?

Алексей внезапно разозлился. Чего он тут цирк разыгрывает? Какие просьбы и предложения могут быть у бесправного призывника? Скучно старлею, вот он и развлекается...

– Никак нет, товарищ старший лейтенант! Готовы служить в рядах Советских Вооруженных сил без вопросов, просьб, предложений и заявлений! – бодрым голосом отрапортовал Чижов и молодцевато вскинул руку к вытертой ушанке. Как он ни старался, еле заметную издевку в голосе скрыть не удалось. И офицер, для которого все призывники были на одно лицо, как бараны для городского жителя, сейчас же ее заметил.

Глаза старшего лейтенанта приобрели осмысленное выражение.

– Умный, наверное? – задал он популярный армейский вопрос – Фамилия?

Алексей обреченно вздохнул про себя. Ну надо же так, блин... Пошутил...

– Чижов...

– Куда идешь? – Старлей имел в виду род войск.

– Сказали, что в морскую пехоту... – На призывной комиссии пожилая врачиха, замечив объем легких, пульс и давление, поощрительно улыбнулась Алексею: «Спортсмен, да? Где хочешь служить?» – и записала его ответ в карточку призывника.

– Я обязательно направляю тебя в морскую пехоту, Чижов! – пообещал офицер и многозначительно улыбнулся.

* * *

Вопреки ожиданиям Алексея житье на сборном пункте оказалось сносное. Будущих солдат практически не беспокоили, кормили три раза в день, пару раз построили и проверили по спискам. Призывники, места которых находились рядом, уже давно познакомились друг с другом.

– Быстрее бы отправили, что ли... – рыжеватый Виталик из Пятигорска тяжело вздохнул и перевернулся с живота на спину. – Все бока уже болят, да и сидеть тут уже надоело

– Солдат спит, служба идет! – бодро откликнулся Саня с соседних нар. – Тебе плохо? Топят, кормят, жить можно! Только хотя бы определились, что ли, что... куда... никто ведь ничего не говорит...

– Покупателей ждут, – равнодушно сказал Чижов снизу – Как они приедут, так мы вместе с ними и двинемся.

– А как ты оказался в Пятигорске, кстати? Ты же в Нальчике живешь? Учился у нас? – поинтересовался лениво Виталик.

– Ну да, – ответил неохотно Алексей.

– Ты русский, что ли?

– Не видно? – буркнул Чижов и потянулся на матраце, заложив руки за голову.

Он переживал за свою нелепую выходку и сейчас мечтал об одном – чтобы его фамилия выветрилась из памяти того старшего лейтенанта, который твердо пообещал отправить его в морскую пехоту.

– Ты, наверно, думаешь, что в Нальчике русских не осталось, да? Остались. Вот я один из них и есть...

Виталик что-то еще хотел спросить, но его опередил уже знакомый всему краевому сборному пункту голос.

– Команда 3624, строиться в проходе! – раздался зычный бас сержанта. К нему уже привыкли, как к громкоговорителю на железнодорожном вокзале, слушали внимательно, сразу замолкали, никто не хотел пропустить свою команду на отправку. Многие призывники уже познакомились друг с другом и хотели служить вместе. Наивной уверенности в том, что, если ты не откликнулся на свою фамилию, про тебя забудут, уже ни у кого не было. На глазах всего сборного пункта двух молодых людей, элементарно проспавших и не вышедших на построение, отправили служить на Камчатку вместо Ленинградского военного округа. Так как никого уже из этого помещения никуда не выпускали, этих призывников и не стали искать в шумной, галдящей толпе. Личные дела любителей поспать просто отложили в сторонку и вызвали еще через пару часов. Этот пример моментально дисциплинировал будущих солдат, и тишина во время объявления фамилий стояла идеальная.

По широкому проходу между нарами уже быстро шел невысокий старший лейтенант с широкими плечами и кривоватыми ногами. В руках у него была пачка белых канцелярских папок.

– Покупатель! – охнул Виталик страшным шепотом, и вся команда 3624 начала торопливо строиться.

– Равняйся! Смирно! Товарищ...

– Вольно! – негромко произнес старший лейтенант – Свободны, сержант.

Сержант четко козырнул и отошел. Офицер не стал тратить лишних слов. Он начал называть фамилии, сверяясь с личными делами. Чижев не мог отвести взгляда от его петличек на кителе. «Блин, что за род войск? Ни хрена не разобрать. Пехота, что ли... Лишь бы не стройбат... А в пехоте послужить можно, ничего страшного». Все эти мысли вихрем пролетели у него в голове. Сверка фамилий закончилась.

– Моя фамилия Рутников. Я ваш начальник команды. Вы все подчиняетесь мне до прибытия в пункт назначения. Отправка завтра в 9.30 утра. Вы направляетесь на службу в войска МВД СССР по Северному Уралу. Старшим группы назначается призывник Чижев... Всем разойтись, Чижев ко мне.

Неровный строй новобранцев распался.

– Пойдем, покурим, – сказал офицер Чижову и направился к месту для курения, которое находилось в коридоре.

– Я не курю, товарищ старший лейтенант, – рассеянно произнес Алексей, глядя, как тот вытаскивает сигарету. Перед его глазами возник нехорошо улыбающийся офицер военкомата и его мерзкая, полная превосходства улыбка. «Я тебя отправлю в морскую пехоту, Чижев!»

– Вот сволочь, блин! – вырвалось у Алексея в сердцах, и он досадливо качнул головой. – Как обещал, так и сделал, гад... Ну и хрен с ним!

Старший лейтенант внимательно глянул на Чижова, разминая сигарету в пальцах. Глаза у него были светлые и холодные, и он ничего не переспрашивал.

– Твои документы поступили ко мне в последнюю минуту, – «покупатель» прикурил и выпустил дымок в сторону. – Я так и понял, что ты им чем-то не понравился, но спрашивать, в чем дело, не стал. Потому что ты меня устраиваешь... Теперь уже ничего изменить нельзя. Ты ведь хотел в спецназ? – переменял он тему разговора. Тон его был серьезный и без издевки, и Алексей сразу уловил это.

– Я шел в морскую пехоту, – тихо проговорил он.

– Ну ничего, – офицер уже откровенно улыбнулся, глядя на разочарованное лицо призывника. – У нас будет не хуже. Требуется хорошая голова и хорошие мышцы. Только вот моря нет, уж извини.

– А где это у вас? – воспрянувший духом Алексей поздно сообразил, что на этот вопрос ответа он не получит. По крайней мере сейчас.

– Узнаешь, – опять улыбнулся «покупатель».

Двигался он быстро, говорил неторопливо, все время улыбался, но глаза оставались холодными и внимательными. «Спортсмен, конечно, в прошлом, – подумал Чижов, мельком оглядывая его фигуру. – Передвигается легко, подкачан, явно следит за собой...»

– Ну вот что, Чижов... – прервал его мысли старлей – Я ознакомился с твоим личным делом. Будешь у меня старшим в команде, пока не доедем до места. В твои обязанности входит наблюдать за порядком среди своих, составишь график дежурств дневальных в поезде, да и вообще будешь смотреть, чтоб не шалили. Так как из вагонов на станциях никого не выпускаем, кроме старших, будешь выходить один из команды за покупками. Парень ты спортивный, крепкий и постарше остальных; я думаю, тебя будут слушаться. Нормально проявишь себя, после курса молодого бойца направлю тебя в сержантскую школу. Тебе все понятно? – спросил он.

Алексей растерянно кивнул.

– Ну все тогда, мне еще вашими делами заниматься. – Офицер пожал опешившему Чижову руку, бросил сигарету в урну и добавил на прощание: – Позже получше познакомимся. Время еще будет.

Алексей проводил его глазами, постоял, затем пожал плечами. Что будет, то будет...

Погрузка в поезд прошла без происшествий, и, к удивлению команды 3624, свободных мест в плацкартном вагоне оставалось еще много.

– Кайф! Поедем с комфортом! – заявил довольный Сашка, бросая свою сумку под спальное место. – Ложись где хочешь!

– Так, всем располагаться вместе! – произнес громко Чижов, уже проинструктированный начальником команды. – Нам еще людей поделят, так что устраивайтесь поближе друг к другу. Дневальным назначается Арутюнов!

Виталик недоуменно взглянул на него, поморгал глазами, потом вздохнул и кивнул головой.

* * *

Четыре вагона с призывниками отправились из Ставрополя в Чечню и Дагестан, а потом повернули на Урал. Поездка была, в общем-то, спокойной. Так как спиртное практически все было отобрано еще в Ставрополе, чрезвычайных происшествий на этой почве не было. Один вагон заполнили чеченцы. Их было около сорока человек. Они вели себя шумно и дерзко, и три сопровождавших офицера старались не допускать их к остальной молодежи. На станциях начальники команд разрешали выходить из вагонов для закупки продуктов и сигарет только старшим.

На одной крупной станции поезд стоял двадцать минут. Алексей, зажав в кулаке деньги, бегом припустил к станционному буфету. Краем глаза он заметил паренька, быстро спускавшегося со ступенек «чеченского» вагона. Он уже знал его по таким пробежкам за продуктами, но знакомы еще не были. Алексей махнул ему рукой, и они, перепрыгивая через рельсы, помчались на вокзал.

На дверях железнодорожного заведения общественного питания красовалась вывеска: «Буфет закрыт». Парни в растерянности остановились и переглянулись.

– Что, мальчишки, есть хотите? – спросила оказавшаяся рядом уборщица, выжимая в ведро тряпку и участливо их разглядывая.

– Да не столько есть... Нам бы хлеб купить, сахару да конфет для пацанов, – ответил Алексей.

– Так вы на площадь сбегайте, вот она, за вокзалом сразу, – и женщина кивнула головой. – Там магазин работает. Здесь рядом, успеете на поезд.

– Давай? – обернулся Чижов к чеченцу.

– Давай, – его напарник улыбнулся.

Только сейчас Алексей разглядел его ближе. Лицо призывника из Чечни ему понравилось. Приятные и мужественные черты, на подбородке ямочка. Взгляд уверенный и веселый. Алексей улыбнулся ему в ответ, подумав про себя: «Нормальный парень».

– Как пройти туда?

– Из дверей вокзала выйдете и направо сразу. Да увидите вы его, – женщина вытерла лоб рукой, отвернулась и занялась своими делами

Магазин действительно был недалеко, и ребята быстрым шагом направились к нему. Открыв тяжелые, с мутными стеклами двери, Алексей сразу двинулся к прилавку. То, что там стояла небольшая очередь, нисколько не смутило его.

– Товарищи дорогие, можно мы без очереди, мы с поезда, в армию едем, – сказал он проникновенно, улыбнулся и обвел глазами людей. По одежде они не были похожи на пассажиров, выскочивших из вагона за пачкой сигарет, одеты тепло и добротно, вроде никуда не торопятся и, может быть, пропустят. Он все рассчитал правильно. Высокого роста, одетый в меховую куртку мужчина в шапке, услышав слова «в армию едем», улыбнулся и отодвинулся от прилавка.

– Давайте, пацаны, только быстро.

Остальные промолчали, но видно было, что они не против. Алексей подошел к полной продавщице в несвежем белом халате и принялся набирать продукты. Хлопнула входная дверь магазина.

– Э, Колек, ну что там у нас, хватает? – раздался сзади гнусавый, с блатной ленцой голос у него за спиной.

– Тормози-ка, надо посмотреть, сколько у нас грошей, – ответил хрипло и громко другой человек.

Послышался шорох одежды и звяканье денежной мелочи. Алексей стоял лицом к продавщице и видел, как она сразу нахмурила лоб и поджала губы. Взвешивая конфеты, она старалась не смотреть за спину Чигова.

– Слышь, Филин, еще бы пару рублей найти, и нормалек... А то Анька не даст! – и хриплый громко захохотал в полной тишине магазина. Продавщица метнула взгляд в сторону грубияна, но промолчала и занялась подсчетом.

– Пару рублей, говоришь... – протянул неторопливо гнусавый, и Алексей спиной почти физически почувствовал, как его обладатель обводит взглядом людей в очереди. Трое мужчин и две женщины принялись внимательно изучать небогатый ассортимент на магазинных полках.

– Пару рублей... – повторил тот задумчиво. Потом помолчал и сказал: – О, а это кто? – И после секундной паузы он ответил на свой вопрос: – А это чурка! Пацаны, глядите, чурка! Слышь, чурка, а ты что здесь делаешь? Ты в магазин пришел? Деньги есть? Так поделись с парнягами честно, и не жалея. – Если в первых его словах чувствовалась ленивая злость, то конец фразы прозвучал угрожающе.

Алексей, который складывал купленное в сумку, обернулся.

Чеченец стоял в углу, окруженный тремя парнями. Они были ненамного старше призывников, скорей всего, уже отслужили в армии. Позы их были расслаблены, они улыбались спокойно и уверенно. Они не сомневались, что добудут недостающие пару рублей, а может быть,

и больше. Тот, кто стоял спиной к Чижову, медленно, чтобы все видели, засунул руку в правый карман и оставил ее там. Алексей быстро посмотрел на соседа по поезду. У чеченца лицо было бледное, но не трусливое. В его глазах появилось жестокое выражение, лицо отвердело.

В секунду приняв решение, Алексей быстрым шагом подошел к троице сзади. Сердце его быстро застучало, наполняя кровью мышцы. Он сжал челюсти и задышал носом. Головы остальных двух парней с улыбками на губах только еще начали поворачиваться к нему, когда он, развернув гнусавого за плечо и держась за него, как за удобную подставку, четко и резко ударил того между лапами распахнутой куртки прямо в солнечное сплетение. Алексей успел увидеть неприятное бледное лицо, и парень, выпучив глаза и так и не вытащив руку из кармана, прогнулся под кулаком Чижова и рухнул на пол. Тут же стоящий справа от него вдруг на глазах изумленного Алексея высоко взлетел в воздух и, описав ногами в грязных ботинках почти идеальный полукруг в воздухе, с невероятным шумом обрушился на третьего своего друга, основательно примяв того своим телом к давно не мытому плиточному полу.

Алексей посмотрел на чеченца. Тот стоял, сжав кулаки, и шумно дышал. Вот он примерился и откинул корпус назад, собираясь ударить гнусавого ногой в лицо.

– Стой! – Чижев удержал чеченца за рукав и оглянулся.

В магазине наступила полная тишина, никто не спускал глаз с пятерых парней, трое из которых начали приходить в себя и со стоном ворочаться на заплеванном полу.

– Нормально все, товарищи, все хорошо, – выдохнул Чижев. Он ни на секунду не забывал о поезде. В его голове отчетливо стучал метроном, отсчитывая отпущенное время.

В молчании Алексей метнулся к прилавку, схватил свою сумку и бросил продавщице смятые рубли.

– Идем! – потянул он за руку товарища по поезду. – Сейчас они очухаются, а нам нельзя опаздывать. – Он перехватил взгляд старшего чеченской команды. Тот смотрел на магазинные полки. – В вагоне поделимся. Нам идти надо! – И он решительно потянул его за рукав.

Они еле успели и на бегу не разговаривали. Перед тем как подняться в свои вагоны, коренастый кавказец оглянулся и протянул руку Чижову.

– Рамазан, – произнес он, слегка задыхаясь после быстрой пробежки.

– Алексей. – И Чижев, перехватив сумку в левую руку, ответил на рукопожатие.

* * *

Уже в купе старший команды 3624 коротко объяснил ситуацию и посмотрел на своих ребят.

– Да о чем речь! – решительно махнул рукой Виталик и ответил за всех: – Поделимся, конечно, раз такое дело.

Алексей только закончил делить сахар, пряники, конфеты и хлеб на две равные кучки, как краем глаза заметил возникшего в проходе между спальными полками Рамазана.

– Здорово, мужики! – произнес тот громко и уверенно и поздоровался со всеми за руку.

– Вот, держи, это ваше. – И Чижев рукой подвинул продукты чеченцу.

– Нет, нет, – произнес тот решительно. – Нам только хлеба немного дайте, остальное потом сами купим.

Алексей сразу понял, что настаивать не стоит. Рамазан ничего не возьмет.

Он пожал плечами. Чеченец улыбнулся и сказал:

– А ты молодец. Я даже не ожидал.

В его речи слышался только еле уловимый акцент. По нему было видно, что русским он владеет свободно и не мучается с подбором слов.

Чижев усмехнулся и ответил:

– Я тоже. Чем занимался?

Рамазан понял.

– Вольной борьбой, – произнес он уже на ходу, прижимая к груди хлебные батоны.

Алексей кивнул. На Кавказе это не редкость, скорее даже правило.

– Ты как-нибудь заходи, чаю попьем, – произнес, улыбнувшись, Рамазан и двинулся обратно по проходу. Улыбка у него была приятная и искренняя.

– Хорошо, зайду, – ответил вежливо Алексей. Он проводил взглядом своего нового знакомого. Ни с какими чеченцами, от которых за версту несло агрессивностью и злобой, он чай пить не собирался, конечно. Ну вот разве что с Рамазаном.

* * *

На очередной остановке опять пришлось бежать за сигаретами и продуктами. Если выходил первый Рамазан, то он обычно ждал Алексея, и наоборот. Однако сейчас Рамазана нигде не было видно. Чижев немного постоял возле «чеченского» вагона, но ждать дольше было уже бессмысленно.

«Убежал без меня? – удивился Алексей. – Да вроде на него не похоже... Ладно, потом разберемся», – и он заторопился, высматривая вход на вокзал.

– Э! – раздался окрик у него за спиной. Голос был неприятный и резкий. Старший команды 3624 нехотя повернулся. В раскрытом окне соседнего вагона торчала наголо бритая голова с очень неприятными, какими-то мертвенными глазами. Чеченец смотрел прямо на Чигова.

– Э, – повторил он. – Купи мне «Ростов» и печенья.

Хоть просьба и была высказана в категоричном тоне, Чижев бы не отказался. Не всегда те, кому поручено покупать продукты, все успевают. Но вслед за этим обычно бросают из окна деньги, а чеченец ничего такого делать не собирался. И он не забыл про деньги, он явно считал, что за сигареты и все остальное заплатит русский. Алексей сразу все понял. От чеченцев, занявших целый вагон, исходила невероятная агрессия. Они держались вместе и явно стремились все противоречия, всегда возникающие в любом мужском коллективе, разрешить кулаками. Чувствовалось сразу, что всех остальных они не считали людьми, относясь снисходительно только к дагестанцам, которых и было призвано всего пять человек. Алексей хоть и вырос на Кавказе, но никогда близко с чеченцами не сталкивался и до сих пор относился к ним вполне нормально, считая их такими же обыкновенными ребятами, как и другие его многочисленные знакомые различных национальностей. Здесь же он почувствовал открытую и явную ненависть к нему как к русскому и пренебрежение, как барина к быдлу. На секунду он растерялся. Ведь он же не сделал чеченцу ничего плохого, ну можно же было попросить нормально...

Злоба начала нарастать в его душе. Почему он с ним так? Он, Алексей Чижев, хуже вот этого уродца с глазами вампира? Только потому, что он русский? С его губ уже был готов сорваться детский возмущенный ответ вроде «Да пошел ты, гад!», но Алексей овладел собой.

– Я тебе что-то должен? – мягко поинтересовался он у бритой головы и улыбнулся. Это привело любителя дорогих сигарет в ярость.

– Я тебе говорю, сука! – страшно зашипел чеченец, и такая ненависть плеснулась в его глазах, что Алексей оторопел. Кровь бросилась ему в голову, и он неосознанно шагнул к вагону, сжимая кулаки. Секунду они мерились взглядами, полными ненависти.

Теперь уже улыбнулся чеченец. Эта была улыбка превосходства и злобы.

– Ты, русский, купишь мне все, что я сказал. – В его голосе звучала невероятная убежденность. – А не купишь, я тебя изнасилую, – и он снова улыбнулся, показывая белые ровные зубы – Я тебя запомнил.

И бритая голова исчезла в окне. Чижев постоял еще секунду, покачал головой, выдохнул воздух и помчался к зданию железнодорожного вокзала.

Он еле успел к отправке поезда, еще на бегу заметив начальника его команды, который курил возле подножки вагона с проводником.

– Хорошо бегаешь, Чижев. Но больше так не опаздывай. Я бы поезд остановил, конечно, но лучше этого не делать, – и он пропустил Алексея в тамбур.

Уже чувствовалась зима, поезд шел на север, и проводники начали хорошо топить в вагонах. Алексей отдал парням купленные продукты, чай пить отказался, постоял у окна, глядя на проплывавшие мимо засыпанные снегом поля, вздохнул и пошел к старшему лейтенанту.

– Товарищ старший лейтенант, мне надо в вагон к чеченцам зайти. Там их старший сегодня не вышел, а мы знакомы, неплохой парень, что-то случилось, видимо. Я на десять минут сбегая, узнаю, в чем дело, и назад. Разрешите?

Офицер поднял удивленные глаза, но просьба была изложена четко, причин для отказа не было, хотя начальники команд вообще запрещают всякое передвижение призывников по вагонам. Но просил Чижев, старший команды, уже неплохо зарекомендовавший себя, и для него можно сделать исключение. А удивился офицер потому, что от чеченцев все старались держаться подальше, а тут русский парень сам просится к ним зайти. Хотя он сам из Нальчика, мало ли, те русские, что выросли на Кавказе, устроены немного по-другому...

– Давай, – и Рутников махнул рукой, но добавил: – Десять минут, не более.

Пройдя в вагон, где ехали чеченцы, Алексей уже повторно изложил свою просьбу их старшему офицеру, уловил и его удивление, но виду не подал.

Начальник «чеченской» команды располагался вместе с проводником, дверь купе была постоянно открыта, даже ночью, чтобы иметь возможность контролировать своих беспокойных пассажиров. Алексея он уже знал и дал разрешение. Чижев примерно помнил окно, откуда говорил тот неприятный чеченец, и быстро прошел туда, не обращая внимания на несколько удивленные взгляды пассажиров. Сюда посторонние не заходили. В этом вагоне было заметно грязнее и шумнее. На полу валялись обертки от печенья и конфет, окурки и прочий мусор, который нужно относить в тамбур, а ведь для этого надо вставать и тащиться через весь вагон. Если у Чижева порядок поддерживал дневальный, используя для этого в основном уговоры вроде «Не сорите, братва, мне же убирать за вами», и тщательно следил за тем, как выполняются его просьбы, то у чеченцев дневальных попросту не было. Никто ни за кем убирать не собирался, начальник команды, ингуш по национальности, прекрасно понимал ситуацию, никого не напрягал, и проводник раз в день неспешно собирал мусор, а то и нет, справедливо рассудив, что порядок можно навести и после прибытия эшелона.

Алексей узнал эти глаза сразу. Человек шесть или семь заняли нижние полки в купе и увлеченно играли в карты, шумели и смеялись, и чеченец с неприятными глазами сидел прямо напротив остановившегося в проходе Чижева. Вот он поднял голову. Сначала просто посмотреть, кто это, принял его за своего земляка и глянул безразлично. Потом удивился, наконец вспомнил и понял.

– Давай сюда, – и он помахал раскрытой ладонью к себе. Видимо, он решил, что этот наглый русский одумался и выполнил его распоряжение. А раз так, то и наказывать его не будет...

Тут пришла его очередь ходить, он бросил карту на столик, оторвался от карт и, увидев, что русский стоит неподвижно и в руках у него ничего нет, раздраженно спросил:

– Ты не купил, что ли?

Остальные игроки повернули головы и несколько удивленно, пока еще без агрессии, посмотрели на застывшего в проходе русского. Все сразу замолчали.

– Это ты собрался меня насиловать, а? – спросил Чижев звенящим голосом, боясь только одного – чтобы у него не сорвалось дыхание от злости, глядя на бритоголового в упор и уже ничего не видя, кроме его глаз.

Чеченец вскочил. Тон Алексея был явным вызовом, и парень с неприятными глазами не мог, если б даже захотел, оставить это без последствий. Его земляки ему этого не простят. Тоже ничего вокруг не видя от мгновенно вспыхнувшей ярости, он попытался броситься на Алексея, но невероятная теснота плацкартного купе, забитого игроками, помешала ему это сделать. До остальных наконец дошло, что русский пришел на разборки к ним, в их вагон, разговаривает дерзко и готов драться. Два человека, сидевшие с краю столика, бросились с двух сторон на Алексея. Чижов уже успел убедиться в невероятной сплоченности чеченцев, их агрессивности и ожидал чего-то похожего. Зрение его, реакция и восприятие происходящего значительно обострились.

Отступив на шаг, Алексей, пять лет прозанимавшийся боксом, четко направил свой левый кулак в челюсть напавшего слева, одновременно с ударом резко выдохнул носом, удачно попал в подбородок и, не глядя на рухнувшего противника, развернулся вправо, готовясь встретить другого врага. Он и встретил его правым прямым в солнечное сплетение, совместив удар с шагом навстречу. И почувствовал, как прогнулась под кулаком грудная клетка. Эти двое сразу вырубленных нападавших дали Алексею несколько секунд форы в тесноте вагона и на мгновение шокировали всех остальных. Но только на мгновение.

Поднялась невероятная шумиха. Все что-то громко кричали по-чеченски. Весь вагон бежал к месту событий, чеченцы теснились и толкались в узком проходе. Мелькали чьи-то руки, искаженные яростью и злобой глаза, все мешали друг другу, стараясь дотянуться до наглого русского. Теперь он уже только защищался, выбрасывая руки в прямых ударах и целясь в подбородок. Сначала для Чижова дело облегчалось тем, что остальные пассажиры, не видевшие начало драки, решили, что сцепились их земляки, и принялись оттащить от него нападавших. Алексею разбили губу, хорошо заехали под глаз, но серьезного удара пока он не пропустил. Но вот произошло то, чего опасается любой боксер. Его правую руку мощно потянули на себя, затем последовал захват за шею... Броска, правда, не провели – пространства не хватило, – Чижова повернули вокруг своей оси и притиснули к окну, закрывая спиной от нападавших. Пару раз его ударили ногой сзади, целя в пах, и он прижался к стенке вагона, защищая уязвимое место. Алексей дернулся раз, другой, но его держали крепко, он начал уже задыхаться, левой рукой пытаясь ослабить давление на горло, но самое паршивое было то, что он ничего уже не видел – весь обзор закрывало чье-то тело, прижавшее его к окну.

Тот, кто его держал, что-то начал выкрикивать на чеченском, несколько раз отпихнул кого-то, и вдруг, перекрывая весь этот шум и гам, крики и вопли, в замкнутом пространстве вагона невероятно резко и оглушительно ударил выстрел. В моментально наступившей тишине слышался только перестук колес. Алексея наконец отпустили, он выпрямился и первым делом посмотрел туда, откуда раздался выстрел. В дверях вагона стоял Рутников с пистолетом в полусогнутой руке. Ствол он не опустил.

– Всем оставаться на своих местах, – жестким, тихим страшным голосом проговорил он. – Кто дернется, стреляю.

Он явно никого не пугал, и по нему было видно, что он готов привести свою угрозу в действие. По эшелону уже ходили слухи о каком-то поезде с призывниками с Северного Кавказа, которые просто выбросили из вагонов всех офицеров и разошлись по домам, забравшись на далекие и недоступные горные кошары. Слухи это были или нет, но Рутников явно не хотел, чтобы такое же произошло с ним и с подчиненной ему командой. То, что он готов выстрелить, ощущалось всеми, чувствовалась решимость офицера навести порядок любым способом, вплоть до убийства. Все молчали. Сейчас все решал этот невысокий плотный мужик с леденящим холодом в глазах.

– А ты иди сюда, – и он пальцем поманил Чижова к себе.

Стоявший за спиной Рутникова офицер-ингуш добавил несколько слов на чеченском, видимо дублируя слова начальника команды. Руку он держал на кобуре. Алексей двинулся по

проходу. Все молча со злобой смотрели на него, но никто не делал попыток его задержать. Пройдя пару шагов по коридору, Чижов обернулся. У окна стоял Рамазан. Это он прижал Алексея к окну и не давал избивать его. «Ну, конечно», – усмехнулся про себя Чижов.

– Салам, – Алексей развернулся, подошел, протянул руку, затем потрогал начавший распухать глаз. – Я тебя не видел сегодня, решил зайти узнать, как ты здесь. Да заодно с твоими земляками познакомился. – Он облизнул разбитую губу и оглянулся.

– Ваалейкум ассалам, – отозвался Рамазан, отвечая на рукопожатие. – У меня все хорошо, приболел немного, хотел поспать, да ты разбудил. – Стоящие рядом чеченцы невольно усмехнулись и переглянулись. – Ты иди, иди, а то у него в пистолете патроны закончатся, – и он кивнул головой на старшего лейтенанта.

Атмосфера сразу же разрядилась. Раздался чей-то выкрик на чеченском, потом еще один, и начался общий хохот. Рамазан тоже улыбнулся и подтолкнул Чижова к дверям. Тот быстро зашагал по проходу и в общем шуме голосов услышал:

– Эй, русский, увидимся.

Алексей замедлил шаг и, не поворачивая головы, ответил:

– Конечно. – Он знал, кто сказал это.

* * *

– Ну ты наделал делов – И Рутников покачал головой, когда Алексей изложил ему причины произошедшего. – Хорошо еще, что я слышал, как ты разговаривал с этим... и решил на всякий случай посмотреть, как ты там будешь больного проводывать... И стрелял в окно, хорошо, что открыто было... Ладно. Следовало бы наказать тебя за это... Ну да хрен с ним. И чтоб подобного больше не повторилось! – Он строго посмотрел на Чижова. – Не хватает мне еще ЧП в пути следования! От обязанностей старшего я тебя освобождаю. Будешь в вагоне сидеть. Все, иди!

Алексей молча встал и вышел, чувствуя, как набухает под глазом огромный синяк.

Он лежал на своей полке, заложив руки за голову и глядя в потолок. Его тронул за локоть Виталик и испуганно проговорил:

– Там тебя к окну зовет этот... ну, с которым ты дрался, что ли...

Поезд стоял на очередной станции. Алексей не спеша поднялся и подошел к полуупущенному окну. На перроне стоял Рамазан.

– Эй, салам! – крикнул он и помахал рукой. – Как ты?

– Нормально, – улыбнулся Алексей.

– Я вижу! – засмеялся чеченец, показывая пальцем на синяк под глазом Чижова. Потом улыбка исчезла, он стал серьезным, понизил голос и заговорил: – Больше так не делай. Ты унизил Арби тем, что пришел к нему на разборки и ударил двух моих земляков. Все это видели. Скажи своему офицеру, чтоб держал тебя подальше от наших... Хотя лично у меня к тебе претензий нет, ты мне нравишься. – Он оглянулся на свой вагон, помолчал, усмехнулся и добавил: – Ты показал себя мужчиной. Жаль, что ты не чеченец...

Затем он улыбнулся, помахал рукой и побежал к вокзалу, торопясь успеть в станционный буфет. Алексей проводил его глазами, снова лег и задумался. Предупреждение Рамазана не было простой угрозой. Чижов вырос на Кавказе и прекрасно разбирался во взаимоотношениях кавказских мужчин. Там национальность значения не имела, либо ты ведешь себя как человек, либо нет. Разборка с чеченцем еще не закончена, о чем его и предупредил Рамазан. И зачем только черт понес его в этот вагон... Можно было сделать вид, что ничего не произошло, но Алексей знал, что потом он не спал бы несколько суток от обиды и унижения.

Хоть Чижов и был прав на все сто процентов перед любым мальчишеским судом, чеченцы подобного поведения ему не простят. Просто потому, что они чеченцы. Именно эта нацио-

нальность на Кавказе противопоставляет себя всем остальным. Только они – люди. Остальные никто. А ведь в следующий раз может и не повезти в драке с численно превосходящим противником. А быть избитым и зарабатывать себе травмы и переломы Алексею не хотелось. Сегодня все прошло удачно, и он отделался ерундой.

* * *

Через четверо суток новобранцы прибыли в Соликамск, их пересадили в «Уралы», и огромные машины, крытые брезентом, двинулись на север по льду замерзших рек, так хорошо заменявших дороги зимой в непроходимой тайге. Молодые ребята с юга России с удивлением увидели занесенный двухметровым слоем снега лес в ноябре месяце. Для них ноябрь дома – это холодные дожди днем и заморозки по ночам. А на Северном Урале была уже глубокая зима. Обледеневший брезент кузова продувался холодным режущим ветром, и призывники невольно жались друг к другу, стараясь подольше сохранить тепло своих тел. Чижову не повезло. Он, как один из самых рослых, стоял первым при посадке в кузов, и его место оказалось у самой кабины.

Было около двадцати градусов мороза. Из неплотно зашнурованного брезентового окна ощутимо веяло холодом. Старенькая телогрейка и облезлая шапка практически не спасали от режущего морозного ветра. Вся левая часть тела Алексея медленно превращалась в огромную ледышку. Он уже понял, что доехать и не заболеть не получится. Так отчаянно он еще не мерз. В пустой голове мыслей не было, только б выдержать эту невыносимую тряску и собачий холод.

– Э! – вдруг услышал он совсем рядом с ним голос. – Ну-ка дай мне мою сумку. Да ноги убери!

Чижов поднял голову. Рослый чеченец, сидевший напротив него, повернул голову к своему соседу русскому и проговорил эти слова прямо ему в ухо. Тот зашевелился, нагнулся и вытащил из под деревянной скамьи большую черную сумку. Алексей безучастно смотрел. Сам чеченец был одет довольно тепло. Просторная черная кожаная куртка с мехом, широкие теплые штаны и полусапожки с выглядывавшими из них серыми вязаными шерстяными носками позволяли ему легче переносить холод, хотя и ему было, безусловно, не жарко. Вытащив правую руку из теплой перчатки, чеченец рывком расстегнул «молнию» на сумке, вытащил оттуда безрукавку из овчины и пару шерстяных носков и бросил их на колени Алексею.

– Надевай. А то совсем замерз, я вижу. Я-то знал, куда еду, у меня двоюродная тетя в военкомате работает, успела предупредить, вот матушка и дала... Давай! – И он мотнул головой снизу вверх. – Да не сомневайся! – добавил он, заметив колебания Чижова – Это все чистое, я еще не надевал. Давай, – повторил он и надел перчатку обратно.

Алексей долго не раздумывал. Стиснув зубы, он непослушными руками быстро расстегнул телогрейку, надел теплую овчину на рубашку и так же быстро натянул носки. Застегнулся, опять сжался, согреваясь, и только потом сообразил.

– Благодарю, – произнес он непослушными губами и кивнул головой.

«Станный какой-то чеченец – пронеслось у него в голове. – Свои вещи мне дал... Хотя я бы тоже так сделал, но ведь я – это я, а это кто... Все-таки есть среди них и нормальные».

Чеченец кивнул в ответ:

– Кюри меня зовут... – Он помолчал. – Арби все хотел тебя увидеть, но Рамазан пока запретил. Потом разберетесь, говорит, – он усмехнулся непослушными губами. – А ты не очкун, молодец... Хотя тогда в вагоне я до тебя не дотянулся, не получилось... – И он ухмыльнулся. – Ну, потом побазарим, а щас доехать надо на этом б...дском морозе...

Алексей в ответ промолчал. Действительно, в этот момент было не до разборок.

* * *

По прибытии в бригаду будущих солдат поселили в отдельное помещение, распределили по учебным взводам, назначили сержантов, и начался курс молодого бойца. Во внутренние войска традиционно призывали очень много нерусских, чтобы свести к минимуму возможность контакта с осужденным элементом. Киргиз из горного кишлака, начавший осваивать русский язык только в армии, намного легче выстрелит в русского заключенного, чем это делает русский солдат, и будет гораздо строже осуществлять надзорные функции. Разность менталитета, языка и веры позволяли долгое время изолировать солдат от осужденных и сводили к минимуму возможность любого контакта. Все эти особенности учитывались командованием, и в бригаде внутренних войск МВД по Северному Уралу звучала азербайджанская, казахская, украинская, молдавская речь, а также присутствовали практически все языки Северного Кавказа. Русских было очень мало, и в основном они занимали сержантские должности. Присутствовала и дедовщина, но в учебном батальоне таких отношений не существовало, так как все призывались одновременно, а вот в строевых частях ее хватало в избытке. Но был еще один вид неуставных взаимоотношений – это землячество.

Мощная поддержка земляков позволяла выжить и сохранить достоинство и здоровье, что было очень важно для молодых солдат в непривычных условиях. Особенно этим отличались призывы с Северного Кавказа и особенно чеченцы. Они были невероятно сплочены, дружны и готовы были драться со всем светом за своего земляка, а также отличались жестокостью в разборках. Все это ставило их в особое положение, и по окончании КМБ северокавказцев старались разбросать по батальонам бригады для дальнейшего прохождения службы, никогда не сводя вместе более трех человек.

Как-то раз на занятиях по строевой подготовке на плацу бригады занимались несколько учебных взводов. Если два взвода сходились на встречном направлении, кто-нибудь из сержантов подавал команду: «Взвод, правое (или левое) плечо вперед!», и подразделения благополучно расходились, не мешая друг другу.

И в этот раз взвод, составленный из чеченцев, должен был выполнить такую команду. Но тридцать восемь человек, не сговариваясь, продолжили свое движение прямо, не обращая внимания на тревожные выкрики своего сержанта. Они шли прямо на взвод Алексея, не сбавляя шаг, и было ясно, что сворачивать они не намерены. Еще бы чеченцы кому-нибудь уступили!

– В сторону, суки! – негромко сказал кто-то в первой шеренге.

Алексей шел во второй шеренге своего взвода. Кровь бросилась ему в лицо. То, что он услышал, было обращение к русским и остальным, кто не был чеченцем. Стиснув зубы, он пошел прямо. Кулаки его сжались, дыхание участилось, глаза застлало пеленой. В глубине души он понимал, что делает глупость, проще было уступить – было понятно, что драки не миновать и что в этот раз его избьют весьма качественно, – и спиной ощущал, как мгновенно распался его взвод, солдаты шарахнулись влево и вправо, не желая ввязываться в драку из-за ерунды и уступая дорогу. Вот ему осталось три шага, два, один... Он уже видел полные злобы глаза – чеченцы заводились моментально – и, автоматически вскинув кулаки к подбородку, шагнул на расстояние удара. За секунду до этого раздался выкрик на чеченском, но Чижев уже ничего не слышал, уши заложило, тело дрожало от напряжения, и он выбросил вперед правый кулак, целя в подбородок ближайшего к нему противника, но не попал. Чтобы хорошо ударить прямой правой с ходу, надо вложить в удар вес своего тела и еще подшагнуть ногой, совмещая в одном движении скорость выброшенной руки и движение бедра. Но на плацу, хоть и ежедневно очищаемом от снега, было скользко, и нога Алексея просто пробуксовала, так хорошо и не оттолкнувшись. Он нелепо взмахнул руками, потерял равновесие и упал на бок. «Ну вот и все, – мелькнула мысль. – Сейчас забьют ногами. Идиот...» Невероятно быстро подогнув ноги

под себя, он оттолкнулся руками от замороженного бетона, выпрямился и снова упал, на этот раз сбитый умелой подсечкой. Лиц вокруг себя он уже не различал, единственной его мыслью было удержаться на ногах и хотя бы пару раз кого-то ударить... Перекатившись вперед через голову, он попытался подняться, используя инерцию движения, вскочил, но кто-то бросился на него сзади, навалился всем телом, сбил на землю и взял руку на болевой прием. Замерший от боли, прижатый лицом к бетону, Алексей обреченно дернулся пару раз, но руку подвернули еще сильнее, и он в отчаянии и ярости закрыл глаза, ожидая безжалостных ударов ногами. Но никто его не бил, и к нему после всплеска адреналина вернулся слух. Вокруг громко смеялись, что-то кричали на чеченском. Кто-то громко сказал по-русски:

– Ну все, хватит, отпусти его, офицеры увидят.

Алексея грубо взяли за подвернутую руку и сильно потянули вверх. Он невольно выпрямился, стиснув зубы от боли, и огляделся. Его окружили чеченцы, что-то говорили, кто-то смеялся, их резкие голоса громко звучали в морозном воздухе. Рядом суежились сержанты, пытаясь навести порядок, а на расстоянии десятка метров столпились солдаты его взвода и испуганно смотрели на него.

Опять раздался резкий гортанный голос, произносивший слова на чужом языке, и Чинова освободили от захвата, резко толкнув вперед.

Он хмуро огляделся, морщась и разминая поврежденную руку. К нему сквозь кольцо чеченцев, которые окружили его, протолкался Рамазан. Сначала Алексей не узнал его. Одинаковая форма делала всех похожими друг на друга, и они давно не виделись.

– Алексей! – проговорил, улыбаясь, чеченец. – Ну сколько я могу защищать тебя? Почему ты все время лезешь с нами драться? Не мог в сторону отойти, как вот эти? – и Рамазан презрительно мотнул в сторону разбежавшегося по сторонам взвода Алексея.

– Не мог, – угрюмо произнес Чинов. – Я не сука.

Рамазан усмехнулся.

– Ты? – громко спросил другой крупный плотный чеченец, стоявший рядом с Рамазаном.

Алексей присмотрелся. Он узнал того парня, который отдал ему теплые вещи, когда он так отчаянно мерз в кузове «Урала».

– Ты не сука, это точно! – громко подтвердил тот и улыбнулся. – Я первый раз такого дерзкого русского вижу, а, Рамазан?

– Я тоже, – ответил Рамазан и похлопал Алексея по плечу. – Ладно, как-нибудь увидимся еще. Ты бы зашел ко мне, что ли...

Его темные глаза смотрели на Алексея и улыбались. Чинов невольно улыбнулся в ответ.

– Строиться, строиться! – громко прозвучало в морозном воздухе. Это сержанты торопились развести учебные команды в стороны, пока на плацу не появились офицеры.

– Иди, ты пока свободен, русский, – сказали ему в ухо.

Алексей обернулся. Его враг, Арби, парень с неприятными глазами, в упор смотрел на него.

– Я всегда свободен, – морщась и растирая поврежденную руку, ответил Алексей, развернулся и пошел к своим ребятам.

* * *

Через три месяца пятьдесят два человека из Ныробской бригады внутренних войск МВД СССР по Северному Уралу отправились в сержантскую учебную школу, которая располагалась в Астрахани. В который раз Чинов подивился расточительности государства. Зачем везти так далеко солдат с Урала, если можно организовать «учебку» в собственном военном округе? Но у командования были свои расчеты, и теперь Алексей с удовольствием часами глядел на менявшийся пейзаж за окном вагона. Постепенно заканчивались огромные лесные таежные

массивы, уступая место березе, лиственнице и другим видам флоры, более привычным глазу человека, выросшему на юге России. За время пребывания на Урале, в резко континентальном климате, у него начались проблемы со здоровьем. Нет, он ничем не болел, только на коже стали появляться долго не заживающие гнойные ранки. Они причиняли мучительную боль, особенно если находились на местах сгибов. «Это климат здесь такой, – равнодушно объяснил ему врач в военной форме, когда Алексей, встревоженный непонятными болячками, пришел к нему на прием. – Вот тебе мазь и пластырь, смазывай два раза в день». – «И пройдет?» – обрадованно спросил Алексей, ничуть не сомневаясь в ответе. «Ну конечно! – заверил его врач. – Но только после «дембеля». Следующий!»

Теперь молодой солдат надеялся, что все-таки в более теплом климате эти неприятности исчезнут.

Вместе с Чижовым в «учебку» ехали Рамазан, Кюри и тот самый неприятный Арби. С остальными солдатами в вагоне Алексей как-то не сошелся, он не поддерживал их разговоры, все время крутившиеся вокруг выпивки и бесконечных воспоминаний о том, как кто-то кого-то когда-то трахал. Чижов, который вообще не пил до армии и редко курил, никак не мог понять эту ностальгию по «хорошим» временам. Во время пути делать было нечего, и солдаты бесконечно трепались о прежней жизни. Алексей в основном общался с Рамазаном и Кюри. Арби он старался не замечать и не разговаривать с ним. Тот платил ему тем же.

Ближе познакомившись с чеченцами, Алексей начал менять свое мнение о них. Эти двое оказались вполне обычными и нормальными ребятами, веселые, с юмором, но одновременно жестокие и равнодушные к чужой боли. Это проглядывало в их поведении и отношении к другим солдатам. Со всеми остальными чеченцы обращались надменно и всегда в приказном тоне («сходи туда, быстро принеси это...»). Все прекрасно помнили об их характере и привычке все решать кулаками и поэтому нехотя повиновались. Имея от природы аналитический склад ума, Алексей пришел к выводу, что такие черты характера свойственны маленькому народу, который отчаянно боролся за свое выживание. «Хотя тогда почему чукчи не такие воинственные, как эти?.. Тоже вроде немногочисленные...» В конце концов он запутался и махнул рукой на эти размышления. Как-то спросил об этом у Рамазана (Арби в это время спал на верхней полке, без его присутствия Алексей чувствовал себя гораздо свободнее):

– Вот скажи, Рамазан, только честно...

– Говори, Алексей, – Рамазан нарезал маленьким ножиком колбасу и хлеб к чаю. Это была невиданная роскошь для солдата, но у чеченцев деньги были всегда.

– Я вот смотрю на вас...

– И мы на тебя тоже смотрим! – засмеялся Кюри, раскладывая хорошие шоколадные конфеты на маленьком столике. Краем глаза Чижов заметил несколько голодных взглядов, брошенных на это угощение, но попросить конфеты никто не решался. Чеченцы, казалось, ничего не замечали; им даже в голову не пришло угостить еще кого-то.

Всем солдатам в дорогу выдали сухой паек. В первый же вечер в дороге Алексей тоскливо разорвал картонную упаковку и приготовился вскрыть консервные банки. К нему подскочил запыхавшийся солдат:

– Ты Алексей, что ли?

– Ну я, – хмуро ответил Чижов, быстро соображая, кому он понадобился и кто его ищет. Если бы он был нужен старшему команды, тот бы назвал его по фамилии.

– Там... это... чеченцы тебя ищут! – выпалил солдат и с жалостью оглядел Алексея. – Сказали, чтобы зашел к ним...

Алексей кивнул головой, забросил банки в вещмешок и поднялся.

– Пойдем, покажешь

Солдат удивленно осмотрел его еще раз, пожал плечами и проговорил:

– Они там бабки у всех отбирают, карманы выворачивают... Свой деньги лучше здесь оставь. – Всем перед отправкой выдали солдатскую зарплату, целых семь рублей.

Алексей подтолкнул жалостливого советчика вперед и пошел вслед за ним.

– О, Алексей, проходи! – искренне приветствовал его Рамазан, когда Чижев заглянул в их плацкартное купе. Алексей знал, что он тоже отправлен в сержантскую школу, видел его на погрузке, заметил также Кюри и Арби. Тогда Рамазан помахал ему рукой, и Алексей сам бы отправился искать приятеля в соседнем вагоне, но присутствие Арби раздражало его, и он решил не навязываться.

– Салам! – громко сказал ему Кюри и протянул руку. – Заходи! Давай покушаем, ужин уже! – и он широким жестом указал на столик у окна. Алексей увидел колбасу, сыр, масло, белый хлеб и конфеты. Он не удивился.

– Сейчас чай принесут. Бичо! Эй, Бичо! – громко позвал Кюри.

В соседнем купе шлепнули на пол босые ноги, и чернявый худой грузин показался в проходе.

– Давай, как обычно, – распорядился Кюри. – Не крепкий только.

Грузин кивнул и исчез.

– Я думаю, что земляков не надо забывать, – улыбнулся Рамазан. – Видел тебя сегодня утром, обрадовался... теперь вместе будем!

Арби в купе не было, и Алексей не стал спрашивать, где он. Они сели ужинать, и Чижев с удовольствием поел нормальную пищу. Солдаты болтали о предстоящей «учебке», Кюри иногда говорил что-то Рамазану по-чеченски, но тот отвечал ему на русском. Кюри вскоре сообщил, кто этому причина, и тоже перешел на русский язык. Алексей невольно отметил, что чеченцы практически не употребляли нецензурных выражений, которые имели такое широкое распространение среди русскоязычной армейской молодежи. Потом пришел молчаливый грузин и убрал со стола трехлитровую банку с остатками чая. Рамазан сказал несколько слов на чеченском, и Кюри быстро отхватил ножом приличный шмат колбасы, затем отрезал кусок сливочного масла, добавил в эту кучу несколько конфет и лезвием придвинул все это богатство грузину. Тот ловко завернул роскошный солдатский ужин в газету и ушел, сказав напоследок с сильным грузинским акцентом:

– Если что нужно, друг, ты позови.

Рамазан усмехнулся и кивнул головой.

Алексей посидел еще для приличия и засобиравшись к себе. И тут в проходе купе появился Арби. Чижев, который только собирался встать, опустил обратно на жесткое сиденье. Чеченец и русский смотрели друг на друга полными ненависти глазами. Тишину нарушил Рамазан. Он поднялся и со смехом начал говорить на чеченском своему земляку. Один раз Алексей уловил слово «Нальчик». Арби не отводил взгляда от него и молчал. Губы его сложились в холодную безжизненную улыбку, а глаза источали ярость. Рамазан засмеялся еще раз и хлопнул Арби по плечу. От этого толчка Арби очнулся, отвел взгляд от Чижева и посмотрел Рамазану в лицо. Тот снова улыбнулся и кивнул. Арби опустил голову, прошел в купе и сел на свободное место, напротив русского. Затем полез в карман, вытащил пачку смятых денег и передал их Рамазану. Тот спокойно положил их в карман своей солдатской куртки. Алексей поднялся.

– Благодарю, Рамазан, Кюри... Давно так не ел... Мне пора, там, наверное, уже наш лейтенант меня ищет...

– Давай, Леша, – ответил Рамазан.

Кюри кивнул головой, одновременно говоря о чем-то с Арби.

– И заходи еще, не теряйся! – с этими словами Рамазан пожал руку Алексею, и тот вышел из купе.

– Что случилось, что вы все такие расстроенные? – недоуменно спросил Чижев своих соседей у себя в вагоне.

– Да ничего не случилось! – огрызнулся маленький белобрысый солдатик, ища что-то в своих карманах.

– А почему ты так со мной разговариваешь? – спокойно осведомился Чижов, в упор разглядывая своего соседа по купе. – Я, между прочим, вежливо к тебе обращаюсь... – и он сделал паузу, ожидая ответа. Белобрысый угрюмо глянул на него и промолчал.

– Да чеченцы сюда приходили, все деньги отобрали... – почувствовав раздражение Алексея, торопливо проговорил другой солдат. – Только на сигареты оставили, по рублю всем... А кушать у вас есть что, сказали, нечего с жиру беситься..

Чижов сразу все понял. Те деньги, которые Арби передал Рамазану, были солдатскими деньгами. И пока Алексей распивал там чай, Арби спокойно выпотрошил весь вагон... И никто ему не сказал и слова, здоровье дороже. Жестокость и сплоченность чеченцев были уже известны. Да и откуда может быть дружба среди остальных молодых ребят, которые не знают друг друга даже по именам!

«Если бы не случайность, то мы точно бы с этим уродом подрались, мимо меня он бы не прошел... И как бы к этому Рамазан отнесся, я не знаю. Ведь весь вагон знает, что если Арби ударят здесь, то сразу сюда еще двое его земляков прибегут... они готовы за него жизнь положить. А здесь кто за кого положит?.. А, ладно! Что будет, то будет, а чего не было, того не было!» – решил Алексей и повернулся на правый бок, собираясь спать. Так прошел его первый день в дороге.

Утром он еще колебался, идти к Рамазану или нет, но его сомнения развеял вчерашний грузин, пришедший за ним. Немного подумав, Чижов пришел к выводу, что так уж сложилось и что он не собирается отвечать за весь вагон и за все проблемы, которые могут возникнуть у остальных, когда они имеют дело с чеченцами. Ведь никто же не помогал ему! Он вздохнул, поднялся, поправил ремень и пошел к старшему вагона, чтобы известить его о своей временной отлучке.

– ...Так что ты в нас такого увидел, Алексей? – спросил Рамазан, беря со стола внушительных размеров бутерброд с маслом и колбасой и поднося его ко рту. Чижов заколебался, но только на мгновение. Если уж решил спросить, то надо спрашивать... Рамазан далеко не дурак, если скажешь не то, что хотел, то их отношения неуловимо изменятся.

– Откуда такая неприязнь ко всем остальным? Вы вроде нормальные ребята, не звери, но кидаетесь, как волки, на любого, кто с вами спорит... Вы не считаетесь ни с чьим мнением, вам все равно, что о вас думают... – Он замолчал, развел руками, пожал плечами, затем взял конфету, засунул ее в рот, с удовольствием разжевал и запил горячим чаем.

Никто никуда не торопился, все молча и сосредоточенно ели, а Чижов ждал. Он понимал, что Рамазан размышляет. Возможно, чеченец никогда не задумывался над этим. Кюри тихо сказал ему несколько фраз на своем языке. Рамазан вздохнул, покачал отрицательно головой, тоже что-то сказал, затем широко улыбнулся Алексею:

– Характер такой у нас, Леша!

Кюри тоже широко ухмыльнулся и подвинул Чижову стеклянную банку с сахаром.

– Характер такой у нас... – уже задумчиво повторил Рамазан, остро глянул на Алексея и затем произнес, меняя тему разговора: – Мы будем проситься в один учебный взвод. Все вместе. Ты с нами?

– А как это – проситься? – удивился Алексей. Он все понял. С ним просто не захотели говорить на эту щекотливую тему. Ну и хрен с ними, не хотят – не надо... – Насколько я помню, в армии не просят, здесь не колхоз...

Чеченцы переглянулись и рассмеялись.

– Да мы поговорили тут кое с кем... в общем, обещали всех нас вместе оставить, даже в одном отделении! – Рамазан отсмеялся, подмигнул Алексею и затем потер большой и указательный палец правой руки.

«Так вот куда деньги солдатские пошли... – сообразил Алексей и вздохнул. – Поговорили со старшим команды, тот поговорит с кем надо в «учебке»... Дело, в общем-то, плевое, недорого стоит». Он пожал плечами. Стесняло только присутствие Арби, который ненавидел Алексея, но никаких действий пока не предпринимал, а вот с Рамазаном и Кюри отношения наладились вполне дружеские. Двое чеченцев молча смотрели на русского.

– Ну что ж, вместе так вместе! – произнес Чижов уверенно, и Кюри своей плотной ладонью ощутимо хлопнул его по плечу.

* * *

Начались занятия в «учебке». Как и обещал Рамазан, троих чеченцев и Алексея определили в одно отделение. Опять началась строевая и физическая подготовка, стрельбы, конспекты по организации службы караула, изучение действий взвода, отделения в обороне, в атаке, немного психологии, необходимой будущим младшим командирам, и бесконечные тренировки по надеванию противогаза и ОЗК (костюма химической защиты). Дисциплина была неизмеримо строже, чем в войсках. На сержантских должностях в основном находились русские, белорусы и украинцы. Все рослые и крепкие, как на подбор.

«Специально таких хряков подбирают, что ли?» – думал Алексей на очередном кроссе, глядя, как мощный сержант подгонял пинками отставших курсантов, а затем еще взял их оружие (два автомата) и легко побежал вместе со всеми.

Во время очередного перекура к Арби подошел незнакомый сержант, глянул на пачку дорогих сигарет, которые тот собирался убрать в карман, и, протянув руку, взял эту пачку из рук чеченца. Затем оглядел ее, хмыкнул:

– Ты еще мамкиными пирожками снешь, а уже хорошие сигареты куришь. – Это был намек на ничтожный срок службы курсанта. – Не рановато ли?

Арби пока еще ничего не понял и с недоумением смотрел на шевелящиеся губы сержанта.

– Помни мою доброту! – проговорил старослужащий, вытащил одну сигарету и сунул ее в рот чеченцу. Тот машинально принял ее. Затем «дедушка» убрал пачку себе в карман и, удовлетворенный своей снисходительностью, повернулся, чтобы уйти.

Алексею стало интересно. Он оглянулся. Рамазан и Кюри стояли рядом, но не сделали ни одного движения, хотя все видели. В курилке наступила тишина. До Арби наконец-то дошло. Он схватил сержанта за плечо и рывком дернул к себе. Тот пошатнулся и развернулся к чеченцу боком. Арби толкнул его, сержант непроизвольно перенес вес тела на опорную ногу, и в этот момент курсант подсек свободно повисшую в воздухе ступню. Сто килограммов живого веса грузно рухнули на песок рядом с бочкой, полной окурков. Быстро взяв на излом кисть своего обидчика, Арби сплюнул ему в лицо сигарету, поднял кулак и глянул на Рамазана. Тот выпустил струю дыма и отрицательно покачал головой. Тогда Арби небольно, но обидно пнул сержанта по задку и проговорил негромко:

– Убью в следующий раз, сука!

– Все, пошли на занятия! – громко сказал Рамазан и посмотрел на часы.

Курсанты, скрывая усмешки, вышли вслед за ним из курилки. Оглушенный сержант еще посидел немного, приходя в себя, затем поднялся, нашел пилотку (по ней кто-то прошелся сапогом), посмотрел вслед Арби и что-то пробормотал себе под нос.

Вечером перед отбоем, когда курсантам давали час личного времени, Чижов заметил оживление среди сержантского состава. «Замок» (заместитель командира взвода), пришедший с ужина, как-то странно посмотрел на Арби и даже внимательно проводил его взглядом, когда тот прошел мимо него. В углу казармы, где спали командиры отделений, Алексей увидел небольшую кучку сержантов, где, кроме своих, знакомых, он разглядел еще трех, пришедших, видимо, с других взводов. Они негромко о чем-то переговаривались и постоянно оглядывались

на проходивших мимо курсантов. «Будет разборка, – подумал Чижов. – Просто так чеченцам этого не простят. Поднять руку на сержанта, наместника бога на земле!» Он усмехнулся. Хотя Арби все сделал правильно...

Алексей провалился в небытие сразу, как только лег на койку. В армии он не видел ни одного сна. И всегда удивлялся, как это после напряженного солдатского дня, длящегося с шести утра до десяти вечера, люди еще могут видеть во сне дом, родителей, девушку... Лично ему всегда казалось, что с момента отбоя до подъема прошла лишь одна минута.

– Эй ты, хер с бугра! Вставай! – услышал Чижов негромкий злой шепот.

Он проснулся сразу, открыл глаза и поднял голову от подушки. Недалеко от него спал Арби. Возле его кровати стояла темная фигура.

– Тебе чего, сука? – пробормотал чеченец, быстро вставая и надевая штаны.

– Иди в каптерку, тебя там ждут.

– Ну пойдем, – легко согласился Арби, вдел ноги в тапочки и вышел из спального кубрика.

«Блин! – тоскливо подумал Алексей. – Сейчас этому урюку вправят мозги, а я должен за него «вписаться»? На фиг он мне нужен... он за меня тоже не «впишется» ни при каких условиях... хоть и не трус... Сделать вид, что ничего не слышал?... Не, не вариант... Ну ладно». Он быстро встал и бросился к кровати Рамазана.

– Рота, подъем! – свистящим шепотом произнес он прямо в ухо чеченца.

Рамазана подбросило на койке, и он кинулся к табуретке, где лежала аккуратно сложенная одежда. Алексей с удовольствием смотрел, как он одевается. «Укладывается в норматив...» Сверху на форме всегда лежит головной убор. Затем брюки и солдатская куртка. Рамазан нахлобучил пилотку на голову, натянул штаны, толкнул ноги в сапоги и лишь тогда сообразил, что, кроме него, никто в роте не встал. Он поднял голову.

– Твоего Арби в каптерку повели... – произнес Алексей вполголоса.

Рамазан все понял сразу.

– Поднимай Кюри, – быстро ответил он и выбежал из спального помещения.

Через сорок секунд Кюри рванул на себя плотно прикрытую дверь. Алексей глянул через его плечо. В углу стояли Рамазан и Арби, окруженные «дедушками». Сержантов было пять или шесть человек. Начался «разбор полетов».

– Ты на кого руку поднял, щенок? – подошел вплотную к Арби тот самый сержант, которого чеченец сбил с ног в солдатской курилке. Сержант был в майке, плотный и широкоплечий. Он сжимал и разжимал кулаки. Алексей заметил, как побагровела его шея. – Да я же тебя вместе с говном схавая, прямо здесь! – заводил себя сержант.

Арби растянул губы в улыбке и пригнул голову. Руки он держал в карманах. Рамазан, не обращая внимания на сержанта, оглядывал остальных, прикидывая обстановку.

Алексею было наплевать на Арби. Но вот Рамазан... Чижов выдохнул и осмотрел старослужащих. Все они обернулись на звук открываемой двери. Пара человек были явно пьяны, это было видно по их лицам.

«Драки не миновать, это понятно, да и хрен с ним... – быстро пролетело в мозгу Алексея. – Но вот напугать их можно... хотя бы дрогнут слегка, а это уже хорошо».

– А ну стоять! – зло сказал Алексей и шагнул в каптерку. – Хотите с нами побазарить? Давай. Хотите драку? Давай!.. Только учтите, суки, если на мне появится хоть один синяк, я вас всех в дисбат засажу!

Чижов знал, что говорил. Дедовщина во внутренних войсках была в разы меньше, чем у солдат других родов войск. Скорей всего, это было связано с тем, что солдаты ВВ постоянно вооружены, не считая только времени, отведенного на сон. Вся служба их связана с караулами и конвоями. В суточные караулы заступали целыми взводами. Не было никакой гарантии, что

какой-нибудь обнаглевший «дед» не получит пулю в спину от «молодого», которого он с удовольствием «трамбовал» ночью.

Еще лучше это понимали и офицеры. После любой драки (если этот факт становился известным, конечно) командир первым делом интересовался сроком службы обеих сторон. Если выяснялось, что в драке участвовал «дедушка» и «дух», дело сразу передавали военному дознавателю. Тот тоже долго не церемонился и особо не разбирался. Старослужащего направляли в дисбат, который считался еще хуже, чем тюрьма. После отбытия срока в дисбате (год, два, три) солдат должен был еще дослужить срочную службу.

Другими словами, как бы комично это ни звучало, формально «дух» мог сделать с «дедушкой» все, что угодно, и правда всегда будет на его стороне. Все собравшиеся в каптерке об этом, конечно, знали.

Один из сержантов всмотрелся в лицо Чижова, подошел к нему ближе (в нос Алексею ударил свежий перегар) и произнес, обращаясь к остальным:

– Да он стукач, братва! Это же чмо! Я вам скажу, что...

Договорить он не успел. У Алексея потемнело в глазах. Он резко выдохнул, и его левый кулак четко врезался в подбородок сержанта. Сержант рухнул вниз, как будто у него под ногами открылся люк, и ничком замер на полу. Все на секунду оцепенели. Краем глаза Алексей заметил, как Рамазан кинулся вперед и, нагнувшись, сильнейшим ударом корпуса сбил с ног того, кто стоял ближе к нему. Арби отскочил в угол, и в общей суматохе раздался негромкий металлический сухой щелчок. В руке чеченца сверкнуло лезвие выкидного ножа. На секунду все замерли. Раздался рев Кюри. Он схватил табуретку, замахнулся и опустил ее на голову какого-то «деда». Кюри явно собирался раздробить тому череп. На свое счастье, сержант не был пьян и быстро увернулся. На его лице мелькнул испуг. В это же время Арби, наклонив вперед голову, с ножом в руках бросился на своего обидчика. Тот так быстро отскочил назад, что сбил с ног своего товарища. Алексей быстро переместился ближе к чеченцам, и теперь они стояли плотной группой перед опешившими «дедами».

Рамазан быстро сказал несколько слов своим землякам и затем Чижову:

– Алексей, не торопись!

– Вы что творите, «духи»? – бесконечно удивленным тоном произнес сержант в майке. – Вы что творите?! Вам же конец теперь!!!

– Ну давай, сделай мне конец! – выкрикнул Арби и придвинулся ближе. Глаза его расширились, нож в руке слегка подрагивал. Было совершенно очевидно, что он пустит его в ход, совершенно не задумываясь о последствиях. Сержант опасливо сделал шаг назад.

– Ну тише, тише! – вдруг проговорил другой сержант. Он держался уверенно, не суетился и выглядел постарше остальных. – Давай нормально побазарим!

– Ну давай, – произнес Рамазан, внимательно оглядывая стоявших перед ним «дедушек».

Ситуация в корне переменялась. Если раньше старослужащие собирались немного проучить «молодых», задавить их своей численностью и авторитетом (так, чтобы синяков не было видно!), то теперь, натолкнувшись на серьезное сопротивление, они отступили перед готовностью чеченцев покалечить или убить кого-нибудь. Это чувствовалось сразу. В планы «дедушек» совершенно не входил сценарий «разборок» с серьезными последствиями. Никто не хотел менять непыльную сержантскую должность на вероятный срок в дисбате, тем более что до увольнения в запас оставалось совсем ничего. Никто не хотел быть обвиненным в самом страшном воинском преступлении в мирное время – в проявлении неуставных взаимоотношений. А в том, что закон в этом случае будет на стороне молодого солдата, никто и не сомневался, даже если «дух» перережет половину роты.

– Э, успокой этого психа! – кивнул сержант на Арби.

– Сам и успокой! – отозвался Рамазан.

Тот полупьяный «дед», которого сбил с ног Алексей, заворочался на полу, потряхивая головой.

– Да я его... – выдохнул он, поднимаясь на ноги.

– Отставить, Николенко! – командным голосом выкрикнул сержант, который предлагал нормально «побазарить». – Стоять! – повторил он, оглядываясь на своих.

Впрочем, большой охоты «наказать» «духов» уже никто не проявлял. Дело явно шло к переговорам. Николенко удивленно посмотрел, но послушался. Он потер подбородок, с ненавистью глядя на Чигова. Тот усмехнулся, не выпуская сержанта из виду.

– Теперь ты... – кивнул лидер старослужащих Рамазану и глазами показал на Арби.

Немного подумав, Рамазан приказал младшему убрать нож. Тот неторопливо спрятал лезвие в рукоятку и убрал оружие в карман, но руку так и не вытащил. Кюри поставил табуретку на пол рядом с собой.

– Ну? – спросил чеченец.

– Вы совсем оборзели? На сержанта руку подняли! Вы же служите всего три месяца! Вы – «духи», запомните это!

Алексей понял, что сейчас начнется моральное давление и попытка «поставить» «молодых» на место. Попытка запугать их не получилась. Если сейчас Рамазан не оборвет «деда», значит, он покажет свое согласие с его словами.

– Вы только присягу приняли. Да вы сынки еще по сравнению с нами! Вы хоть это понимаете?! – продолжал «дед». – Да у вас...

– Пошел на хер! – отозвался Рамазан и взглянул на ревнителя армейских традиций в упор. У Арби напряглась правая рука, Кюри приподнял табуретку, а Алексей сжал кулаки и слегка подался вперед.

Сержант замер с открытым ртом.

– Пошел на хер, я тебе говорю! – повторил Рамазан. – Не тебе меня учить! Я сам кого хочешь научу! Ему и мне, – он кивнул на Алексея, – двадцать один год! Чему вы будете нас учить? Сигареты отбирать, как вот это чудо? – От такой дерзости стоящий рядом любитель дорогих сигарет выпучил глаза. – Короче... – сделал паузу чеченец, – нас трогать не надо. Плохо потом будет. Если кого-нибудь из нас тронут поодиночке, убьем ночью... – Он помолчал, оглядывая оторопевших «дедушек», и закончил: – Я никого не пугаю... Кто-нибудь хочет что-нибудь сказать?

Задумчивое молчание прервал любитель сигарет.

– Я тебе этого так не оставлю, – пробормотал он, разглядывая Арби.

– Я тебе тоже, – растянул губы в волчьей улыбке чеченец.

Самый старший «дед» с притворным сожалением развел руками.

– А ведь вы ничего не поняли... – Его глаза ненавистно поблескивали из-под бровей. – Ну что ж, там посмотрим, что к чему... – добавил он и посторонился, демонстративно давая проход к дверям. – А ну, отбой, сынки! – повысив голос, проговорил он.

Рамазан усмехнулся и подтолкнул к двери Арби. Следом вышли Кюри и Алексей.

Сразу спать они, конечно, не пошли. Стоя возле обширного солдатского туалета, курсанты наскоро провели «военный» совет. Алексей слегка подрагивал, Кюри непрерывно курил, Арби, держа в руке нож, беспрестанно выбрасывал из него лезвие и прятал его обратно. Рамазан был серьезен и озабочен. Чеченцы быстро перебрасывались фразами на своем языке. Алексей смотрел в сторону. Спohватившись, Рамазан улыбнулся и хлопнул Чигова по плечу:

– Все нормально, Леша!

Арби проговорил, глядя на тускло блестящее лезвие:

– Не бзди, русский, мы за тебя «впишемся»...

Алексей вспыхнул.

– Да я и не... – он замялся, подыскивая нужное окончание, не сообразил и добавил: – ...не боюсь.

После секундной паузы засмеялся Рамазан, следом за ним Кюри. Усмехнулся и Алексей. Арби, так и не поняв, в чем дело, без улыбки спрятал нож в карман.

Через неделю любителя сигарет вызвала на КПП молодая и симпатичная девушка. Он выпросил себе увольнение, и в тот же вечер его нашли в парке, избитого до потери сознания. На утренней поверке этот случай довели до сведения курсантов. Алексей переглянулся с Рамазаном. Тот равнодушно пожал плечами:

– Родственники к Арби приезжали... провести... Совпадение, наверное.

– Скорей всего, – отозвался Чижов хмуро. «М-да... таких совпадений не бывает... хотя ничего и не докажешь... – мрачно подумал он. – Вот гад, этот Арби... вроде нас и не трогают уже, а он не успокоился...»

Увольнения курсантов временно отменили, в «учебку» приехал особист, задавал всякие нехорошие вопросы, вызывал на допрос чеченцев, но те лишь разводили руками. Правильные выводы солдатами и сержантами были сделаны, и с тех пор вокруг чеченцев и Алексея образовалась невидимая и прочная стена отчуждения.

* * *

После «учебки» Чижов начал служить в двенадцатой роте, а чеченцев разбросали по батальонам бригады, свято соблюдая негласное распоряжение командования – никогда не сводить более трех кавказцев в одной части. С Рамазаном Алексеем было жалко расставаться, с Кюри тоже, а вот отъезду Арби он был искренне рад.

По сути, двенадцатая рота была прообразом зарождающегося спецназа внутренних войск. Солдаты этого подразделения несли внутренний караул в части, активно занимались спортом, стрельбы у них проводились три раза в неделю, их освобождали от всех хозработ, и в случае побега заключенного они осуществляли и проводили розыскные мероприятия по задержанию «побегушника».

– Если солдат не может убить зэка при побеге, то он должен догнать его, – так обычно говорил заместитель командира роты старший лейтенант Рутников после неудачных стрельб взвода. Командовал: – Взвод, направо, бегом марш! – и сам бежал вместе со всеми. Так сержант Чижов научился бегать длинные дистанции и хорошо стрелять.

Алексей только в армии понял, что значит выражение «непроходимая тайга». Выросший в лесистых предгорьях Северного Кавказа, он твердо знал, что в лесу можно пройти практически везде и нигде не заблудиться. Достаточно найти один из многих ручейков, в достаточном количестве стекающих с любого водораздела, и пойти по течению вниз. Рано или поздно наткнешься либо на селение, либо на какую-нибудь кошару и встретишь людей. Здесь же размеры и просторы тайги просто поражали. Необозримый океан хвойных деревьев тянулся за горизонт. Казалось, можно двигаться в любом направлении. Но это обманчивое ощущение появлялось, когда смотришь на тайгу с высоты птичьего полета. На земле же неподготовленного человека встречали гигантские, тянущиеся на многие километры завалы из старых упавших деревьев. Они были покрыты густо поросшим кустарником и переплетены какими-то вьющимися растениями, очень похожими на южноамериканские лианы. Под ногами хлюпало и пружинило вечно не просыхающее болото, тучи комаров и мошки вились в воздухе все теплое время года. Чтобы пройти по такому лесу хотя бы пару километров, требовались недюжинная выносливость, хорошая обувь и настоящее кубинское мачете.

Но идти напролом сквозь тайгу мог только не знающий местности человек. В этом нагромождении деревьев, кустарника, высокой травы и раскинувшихся вокруг непроходимых болот

существовали свои дорожки и потайные тропки охотников и собирателей ягод. Их надо было знать, иначе из такой тайги выбраться практически невозможно.

В августе—сентябре резко возрастает так называемая «побеговая активность» заключенных. В тайге созревали ягоды, грибы, в неимоверном количестве покрывавшие заболоченную землю, и при некоторой ловкости можно было убить рябчика, метнув в него остро заточенную с краев алюминиевую тарелку. Этим приемом пользовались заключенные на лесоповале.

Если случался побег в одном из семи батальонов, входивших в состав бригады, двенадцатую роту поднимали по тревоге и выбрасывали на возможных направлениях движения «побегушника». В основном бежали люди, совершенно не знакомые с тайгой и не обладающие навыками выживания в лесу. Те же, кто имел представление о том, что его ждет за колючей проволокой, никогда в побег не уходили. Одуравший горожанин, впервые попавший в таежную чащу, после некоторых блужданий всегда выходил на какую-нибудь тропинку и с облегчением начинал двигаться по ней, радуясь своей сообразительности. А там его уже ждали поисковые группы.

В среднем уходило в побег один-два человека в месяц в период «побеговой активности» по бригаде. И почти все они натыкались на заслоны двенадцатой роты. Иногда были случаи, когда «побегушник» добровольно выходил на засаду и сдавался, прося только о том, чтоб его накормили. Ведь без оружия достать пищу в тайге неподготовленному человеку практически невозможно. Для порядка лениво попинав заключенного, его кормили и отправляли обратно в зону, добавляя при этом год срока и пометку в личное дело – «склонен к побегу».

* * *

Два года пролетели быстро. Прослужив половину срока, Чижев начал «качаться», благо в армии всегда приветствовали подобные занятия. По вечерам в роте делать было нечего, увольнения он не любил, в маленьком таежном деревянном городке и ходить было некуда, и он вместе с карачаевцами ударился в спорт. Молодой организм хорошо воспринимал нагрузки, режим и отсутствие спиртного сделали свое дело.

Незаметно подошел и конец службы. Отправку домой Алексей ждал спокойно, уже не тоскуя и полностью втянувшись в армейскую жизнь.

На демобилизацию за документами на увольнение солдаты из батальонов съезжаются в штаб бригады. Там Алексей и встретил практически всех пассажиров того самого поезда, который и вез их на Урал. Особенной радости никто не высказывал, все служили в разных частях, но приятно было увидеть человека, с кем ты когда-то проходил курс молодого бойца. Чижев встретил и нескольких чеченцев. Сейчас они совсем не были похожи на тех молодых волчат, которые всем скопом сразу же бросались на любого, кто не подчинялся или перечил им. Теперь это были молодые, уверенные в себе парни, веселые, с нетерпением ожидавшие отправки домой. За годы службы они обтесались и поняли, что, кроме чеченцев, на свете существуют и другие люди. С кем-то они по-настоящему сдружились и обменивались адресами на прощание.

Первым делом Чижев спросил о Рамазане. «Уже уволился, – ответили ему. – Самым первым, «замком» ушел». То, что Рамазан дослужился до заместителя командира взвода, особого удивления у Алексея не вызвало. Жаль было, что они так и не увиделись. Он поспрашивал еще о некоторых, кого запомнил за время КМБ.

«Арби, ну ты же помнишь его; так вот, он сел... В дисбат, куда ж еще... Три года дали за драку, покалечил «молодого», руку ему сломал, что ли... потом еще дослуживать будет». Алексей вздохнул. Много, около трети призыва с Северного Кавказа попали за решетку. Все они «залетели» уже на втором году службы – на первом «молодых» не сажают...

Алексей не жалел их, они заслужили свою участь. Каждому свое...

Чижев незаметно оглядел коридор штаба бригады, заполненный «дембелями». Кого-то он знал, кого-то – нет, но одно общее настроение владело всеми. Было ясно, что закончился очередной серьезный этап их жизни и все собравшиеся здесь прошли его удачно. «Вот и пролетели два года. А как дни считал до дембеля, с ума сойти, все мечтал быстрее домой... Вот и домой... Жаль все-таки, что с Рамазаном не увидимся, нормальный паренек был... Тьфу, почему был? Есть...»

Он ощутил прилив мимолетной горечи, но мысль о том, что скоро увидит дом, вытеснила все остальное.

* * *

Алексей демобилизовался из армии и попал в идущую полным ходом в стране перестройку. Так как его родители были обычными людьми, денег на открытие какого-нибудь скромного цеха или магазина у них не оказалось, и он принялся подрабатывать в различных строительных кооперативах. С голоду не помирал, платили неплохо, но тяжелая монотонная физическая работа вызывала отвращение, и он иногда с ужасом начинал подумывать о том, что никогда не вырвется из этого замкнутого круга: работа – сон – работа. Алексей решил поступить на исторический факультет, он не любил математику и точные науки. И вот в один прекрасный вечер Чижев сидел за учебником десятого класса по истории, заучивая наизусть даты (шпаргалок он не признавал, было стыдно тайком ими пользоваться, да и если заметят, могут выгнать с экзамена), как вдруг зазвонил телефон.

– Салам, – раздался в трубке знакомый голос.

Звонил Валера, он жил через три дома от Алексея. Они познакомились еще до армии и хорошо дружили. Оба были физически развитыми, спиртное не употребляли и поддерживали друг друга в тяжелых жизненных ситуациях. На Валеру можно было положиться во всем.

– Салам, салам... – весело ответил Алексей. Появился повод оторваться от надоевшего учебника, и у него поднялось настроение.

– Слушай, Алексей. Я сейчас у своих знакомых сижу, ты их не знаешь. Деловые ребята. Предлагают нам съездить на Дальний Восток за кожаными куртками и икрой. Предлагают мне, но я один не поеду и назвал тебя. Они дают денег на все. Как, смотаемся?

Алексей думал секунду.

– А что мы будем с этого иметь? – с одесским акцентом шутливо спросил он.

– Они дают «штуку» каждому, – ответил Валера. – И дело займет дней десять, не больше.

Тут уже Алексей не раздумывал. «Штуку», или тысячу рублей, ему платили в месяц в пеплоблочном цеху, где он целыми днями разгружал поддоны со строительными блоками. По тем временам это были совсем неплохие деньги.

– Хорошо, съездим, – ответил Чижев, понимая, что раз Валера звонит прямо от своих знакомых, то это значит, что его ответ требуется немедленно. – Потом зайдешь, обговорим, что к чему... – добавил он и задумчиво положил трубку.

Знакомые Валеры действительно оказались деловыми людьми. Как понял Алексей, это были практически их ровесники, каким-то образом быстро разбогатевшие на торговле сахаром, который почему-то исчез в конце девяностых с прилавков магазинов. Впрочем, особенно они его не интересовали. «Деловые люди» дали достаточную сумму на расходы и на закупку товара. Отчета о потраченных деньгах никто не требовал, главное было привезти определенное количество курток и икры. Они хорошо знали Валеру и не сомневались в его честности.

Дело было перед Новым годом, и знакомые Валеры решили получить солидную прибыль, рассчитывая на то, что государство отпустит цены первого января очередного года. Об этой мере поговаривали давно и окрестили это начинание «шоковой» терапией.

* * *

До Владивостока добрались без особых приключений. А потом началась беготня по всевозможным рынкам в поисках более дешевого товара. После расспросов друзья выяснили, что практически все «челночники» затовариваются на оптовой распродаже в поселке Пограничный, что на самой границе с Китаем. Там кожа стоила совсем дешево.

– Только будьте поосторожней, – понизив голос, сказал им на владивостокском рынке конопатый дядька с большими рыжими казачьими усами и тревожно огляделся по сторонам. – Там, говорят, чеченцы шуруют, начали деньги брать за каждую покупку. Я, правда, с ними пока еще не сталкивался, как-то бог миловал, они все больше по крупным оптовикам работают, да и маловато их еще здесь, но скоро их будет целая куча... Вон с парнями Вовчика-Якоря уже пару раз сцепились... Ну, Вовчик-то наш, отсюда, свой, с ним можно договориться... А эти как звери... Никого не слушают и ничего не хотят понимать. Все здоровые, как быки... Двоих наших уже порезали за то, что им денег не дали при выходе с рынка, когда уже «затаренные» возвращались. Внаглую останавливают на выходе, говорят, надо платить... За вход-то денег не берут... Мы уже к Якорю ходили, он обещал разобраться. А это «мясня» пойдет, как пить дать... – Тут продавец вздохнул и махнул рукой. – Надо другое место искать, где кожу брать...

В гостинице друзья быстро посоветовались. Можно было, практически не рискуя, взять куртки во Владивостоке по семьсот рублей, а можно было понадеяться на удачу, поехать в Пограничный и купить кожу по двести. Выгода была слишком очевидной, и, махнув рукой на возможные неприятности, они на следующий день взяли билеты на автобус.

Старый, но еще упрямый «пазик», с натугой преодолевая подъемы и дребезжа на спусках, пылил по грунтовке часа четыре. Вокруг расстилались даурские степи и сопки, начисто лишённые растительности. Владивосток находится примерно на той же широте, что и Северный Кавказ, поэтому отсутствие снега перед Новым годом Алексея не удивило. Дул сильный ветер, шевеля желтую пожухлую траву. За все время поездки они только раз проехали какую-то небольшую деревню. Край был достаточно пустынный.

Пограничный оказался обыкновенным степным поселком. Холодный ветер поднимал пыль на улицах, людей не было видно, бродячие собаки прятались под заборы, и поселок казался безлюдным. Зато на окраине кипела бурная жизнь. Базаром назывался небольшой, где-то двести на двести метров, огороженный проволокой участок вытоптанной земли. Рядом, по периметру, его окружали наспех сколоченные из фанеры и листов жести небольшие закусочные и кафе, откуда аппетитно пахло поджаренным мясом на всю округу. Судя по их внешнему виду, санитарный контроль сюда еще не добрался. Автобус остановился прямо напротив входа на рынок. Пассажиры торопливо покидали салон. Никто их не встречал, практически они все были «челноками» из Владивостока.

Выбравшись на свежий воздух, Чижов потянулся так, что захрустели суставы. Долгая тряска на продавленном и жестком сиденье утомила его. Рядом разминал поясницу Валера.

– Ну что, пошли? – произнес Алексей и неторопливо двинулся к настежь распахнутым покосившимся деревянным воротам, через которые поток «челноков» вливался на базар.

Чижов шел медленно, фиксируя взглядом встречных и постоянно оглядываясь назад, чтобы вовремя заметить какую-либо опасность. У них была с собой крупная сумма денег, и друзья по вполне понятным причинам опасались карманных воров. В том, что они без труда справятся практически с юбым воришкой, который решит стянуть у них кошелек, они не сомневались. Но проблема состояла в том, чтобы вовремя выявить и засечь «карманника», а это сможет сделать только профессионал. Опыта службы в уголовном розыске у них не было, и поэтому приходилось компенсировать его отсутствие элементарной осторожностью. Поэтому Алексей беспрестанно крутил головой по сторонам, ни на минуту не расслабляясь.

Все это он делал несуетливо, не торопясь, и со стороны могло показаться, что парень ищет кого-то из знакомых в толпе. Валера держался слева и чуть сзади. Уже пройдя в ворота и смешавшись с толпой на базаре, Чижов уловил краем глаза какую-то несурзность. Он заметил трех парней, стоявших чуть в стороне от выхода. Одеты они были по тогдашней моде «братков» – кожаная куртка, удобные дорогие спортивные штаны «Адидас» и высокие белые кроссовки. Но не это привлекло его внимание. Они явно никуда не торопились, стояли, засунув руки в карманы, и на фоне спешащих людей с гигантскими сумками в руках выглядели несколько странно. Алексей сразу отвел глаза в сторону, по опыту зная, как можно почувствовать био-волны взгляда, если даже смотрят тебе в спину.

* * *

Парни внимательно осматривали выходящих с рынка людей. На входящих они внимания не обращали. Друзья зашли за угол длинного ряда прилавков, где уже чувствовался специфический запах кожи и продавцы, почти все китайцы, на ломаном русском бойко предлагали свой товар текущей мимо них людской толпе.

– Видел? – спросил Алексей у товарища, засовывая в рот сигарету и кивая головой в направлении входа.

– Чего? – удивился Валера, быстро обшаривая глазами выставленный на продажу товар. Было уже время обеда, и у них было около двух часов времени на все дела, чтобы успеть на уходящий автобус. Он был озабочен предстоящей покупкой и погружен в свои мысли. Именно на этом рынке у них появилась возможность заработать еще и сверх оговоренной суммы. Такой дешевизны кожи не предусмотрели даже их наниматели, когда выдавали деньги на расходы. Поэтому он не заметил того, что увидел Алексей. И вообще, у него была некоторая коммерческая жилка и чувство вкуса. Если Чижов был готов взять любую куртку, как это уже было на владивостокском рынке, то Валера долго ощупывал ее, мял, встряхивал, обязательно находил некоторый скрытый дефект и в результате серьезно скидывал цену.

Он не обратил внимания на слова друга и первым двинулся вдоль торговых рядов, жадно озирая десятки кожаных курток, плащей и пиджаков, сваленных огромными грудями на прилавках из плохо оструганных досок.

– Валера! – окликнул его Алексей. Тот обернулся. – Ты походи пока, посмотри, что к чему, прикинь цены, и увидимся здесь через полчаса. А я пока чай где-нибудь выпью и туалет найду.

Валера кивнул головой. Он знал своего товарища и понимал, что тому просто скучно ходить по рынку хоть в компании, хоть без нее. Процесс покупки и продажи его абсолютно не волновал, у него не было коммерческой жилки и чутья на хорошую вещь. Поэтому их роли распределились следующим образом: Валера покупал и осматривал вещи, а Чижов выполнял роль телохранителя и кассира. Никто из них не лез с советами друг к другу, и обоим это вполне устраивало. Алексей проводил глазами Валеру, который уже был погружен в процесс зарабатывания денег для них обоих, хмуро улыбнулся, выбросил сигарету, развернулся и пошел обратно.

Он остановился у самого первого прилавка от входа. Как правило, это одно из самых проходимых мест на рынке, и здесь всегда возле товара толкуются покупатели. Алексей встал так, чтобы был виден выход из ворот, взял первую попавшуюся куртку в руки и принялся ее рассматривать. Продавцы, маленький юркий улыбчивый китаец и молодая некрасивая русская девушка, видимо, местная, не обращали на него никакого внимания, занятые другими покупателями, но из поля зрения его не выпускали.

Алексей ни разу напрямую не посмотрел на чеченцев. Он уже понял, кто это. Те лениво щелкали семечки и рассматривали проходивших мимо них на выход покупателей, но никого не

останавливали. Метрах в десяти от входа на рынок начинался ряд закусочных и кафешек. Там что-то жарилось и варилось, продавались пирожки и какой-то горячий напиток, изображавший кофе. За одним из столиков сидели тоже трое молодых крепких ребят в традиционной одежде «братвы». Даже с этого расстояния Алексей признал в них кавказцев. Характерное жестковатое и равнодушное выражение лиц, короткие стрижки, плотные фигуры и полное отсутствие осторожности. Они громко переговаривались между собой и смеялись. Так ведут себя либо очень самоуверенные, либо глупые люди. Но на дураков они явно похожи не были, значит, имели за спиной мощную поддержку. Пожалуй, даже чувствовали себя здесь хозяевами, у которых полный двор гостей. На столе стояли пустые чайные чашки и пепельница. Спиртного Алексей не заметил. Двое играли в нарды, третий лениво курил, время от времени поглядывая на выход. «Вот тебе и резерв, блин, – мрачно подумал Чижов, откладывая в сторону очередную куртку. – Если проблемы у тех троих, что у входа, эти сразу подтянутся, а шесть организованных человек всегда смогут разогнать толпу, в которой каждый сам за себя. Да и какие бойцы из этих торгашей, они только свой товар защищать будут, и никто им не поможет, если чеченцы подойдут».

В это время один из игроков повернул голову, лениво разглядывая проходившую мимо девушку, и Алексей невольно вздрогнул. Несмотря на гражданскую одежду, которая здорово меняет вчерашних солдат, он сразу узнал старого знакомого. Это был Арби. Бросаться к нему с объятиями и с восклицанием «Надо же, кого я вижу!» ему и в голову не пришло. «Вот это встреча! Отсидел, видимо, сука, сколотил бригаду и сейчас занялся рэккетом, чего и следовало ожидать. Блин, лучше бы вместо него был здесь Рамазан...» Алексей поднял воротник куртки и слегка сгорбился для маскировки. «Только не смотри туда», – приказал он себе и постарался придать лицу скучающее нейтральное выражение.

«Как же нам выйти-то, а?... Непременно подойдет, сволочь, он все сразу вспомнит. Мы же с товаром попрячемся, а выход здесь только один». Настроение у Чинова испортилось. Он мрачно крутил в руках женские джинсы и даже машинально приложил их к поясу для примерки, не замечая изумленных взглядов продавщицы.

Вот из глубины торговых рядов выкатилась грузовая тачка, заваленная большими полосатыми сумками. Крепко упираясь кривыми ногами в утопанную землю, ее медленно катил сухощавый китаец, резкими гортанными криками предупреждая людей об опасности столкновения. Рядом с тачкой шел невысокий рыжий мужик в теплой джинсовой куртке-«варенке» и полусапожках. Его сощуренные хитрые глаза быстро обежали толпу и остановились на «дежурной смене» возле ворот. Мужичок, не сбавляя шага, направился к чеченцам и остановился возле них. Стоявший ближе к нему коренастый кавказец протянул ему навстречу руку, но это не был жест приветствия. Рыжий угодливо улыбнулся, сжался и осторожно положил смятый конверт ему в ладонь. Чеченец лениво кивнул, и мужик обернулся к китайцу, который равнодушно ждал окончания этой процедуры.

– Давай двигай, чего встал! – прикрикнул он начальственным тоном и быстро пошел к выходу, пробираясь сквозь толпу впереди своего груза.

«Давно, видимо, здесь работают, уже всех серьезных покупателей знают, – подумал Алексей, стоя вполоборота к «бригаде» и в очередной раз рассматривая кожаные куртки, висевшие над его головой. – Ну, в принципе, все ясно... Надо найти Валеру, объяснить ситуацию и подумать, что делать. Мимо них мы не проскочим, а деньги отдавать стыдно, и не подерешься, их слишком много; кто его знает, может, и еще где-то есть, я не всех засек... Может, даже и откажемся от покупки, возьмем в другом месте подороже, да и хрен с ним. Главное, сейчас уйти без проблем». Он знал, что если Арби увидит его, то обязательно вспомнит и не преминет воспользоваться численным перевесом. Благородство, как он подозревал, не было присуще этому чеченцу. И, приняв решение, Чижов отправился обратно.

Подойдя к условленному месту, Алексей Валеру не обнаружил. «Видно, договаривается с кем-то уже», – подумал он и решил найти туалет. Спросив дорогу, он быстрым шагом напра-

вился к стоящим в стороне брезентовым торговым палаткам. Людей там было совсем немного, там торговали китайскими дешевыми детскими игрушками. Он шел по натопанной тропинке, которая вела за торговые ряды. Навстречу торопливо выскочил какой-то мужик, нервно оглянулся и прибавил шаг, чуть не врезавшись в Алексея. Тот посторонился и всмотрелся в лицо прохожего. Недавний посетитель туалета был явно чем-то напуган и проскочил мимо Чижова почти бегом. Алексей почувствовал опасность и осмотрелся. Его шаг стал мягким и пружинистым, он слегка сгорбился, пригнул голову к подбородку и немного выставил перед собой наполовину сжатые кулаки. До поворота тропинки за угол уже осталось пару метров, как он услышал доносящиеся оттуда голоса.

– Стой спокойно, черножопый! – громко прозвучал уверенный, густой бас. – А то быстро пулю в брюхо заработаешь.

– Да вали его, Витек, на хер он нам нужен, – произнес другой голос, в котором чувствовались волнение и злоба. – Пальни в живот, и пусть валяется. Ща там наши подъедут, Якорь велел всем подойти к выходу.

Ввязываться в непонятные разборки Алексею совсем не хотелось. Даже рядом стоять. Тем более у кого-то имелся пистолет, и владелец его был настроен весьма воинственно. «Блин, сходил поссать», – мелькнула досадная мысль, и Алексей едва слышно хмыкнул. Он быстро оценил ситуацию. Прятаться было негде, справа стоял высокий проволочный забор, а слева тянулись сплошной стеной брезентовые бока торговых палаток. И не было видно ни одного человека. Значит, надо уходить. Он уже бесшумно разворачивался, когда его заставил остановиться другой голос, в котором явно проступал чеченский акцент.

– Не валяйте дурака, парни, и не ищите себе приключений на задницу. Я сказал, что пойду в туалет, скоро меня начнут искать. А вас видели, как вы заходили на рынок. И запомнили. Вы из бригады Якоря. Так что найдут.

В конце фразы голос Рамазана дрогнул, видно, не хватило дыхания от волнения, и его голосовые связки пересохли.

«Однако, мать вашу... И Рамазан здесь... а он ли это? Может, голос просто похож? Я могу и перепутать...» Алексей замер на месте и затаил дыхание от неожиданности. «Это он, конечно, – вдруг пришла к нему простая и спокойная мысль. – Если ты услышал голос и сразу подумал о Рамазане, значит, это он... Будешь сомневаться и задумываться, потеряешь время. А ему сейчас херово...»

Рамазан, или человек, голос которого так был похож на рамазановский, непроизвольно откашлялся и продолжил:

– Давайте спокойно разойдемся. Бежать вам некуда, мимо выхода не пройдете. А там мои ребята просто так вас не выпустят. Не валяйте дурака, можно ведь... – и он опять кашлянул, прочищая горло, но голос его не дрожал от страха, контроля он над собой не потерял и не унижался, пытаясь вызвать жалость. Это чувствовалось в его интонации и тембре.

«Ну еще бы не осекся, видно, под «стволом» стоит и не знает, выстрелит тот или нет. Тут кто угодно обделается...» Все это молниеносно пронеслось в голове у Алексея, он уже осторожно вытягивал шею, выглядывая из-за брезентового угла палатки. Прямо спиной к нему, метрах в двух, стоял высокий плечистый парень с согнутой в локте правой рукой. Самого пистолета не было видно, но Алексей не сомневался, что он у него в руке. Рядом с ним, правее, переминался от нетерпения еще один, рыжеватый, поменьше ростом, сутулый «браток» с короткой стрижкой. Самого Рамазана Алексей не увидел, значит, он стоял прямо перед вооруженным бандитом.

– Во, сука, он нас еще и пугает! – выкрикнул сутулый и опять затанцевал на месте, как будто не Алексей, а он хотел в туалет. – Да кончай ты его, Винт, я этого урода знаю, была у нас разборка один раз!

И когда он это говорил, Чижев непроизвольно посмотрел в его затылок. Тот почувствовал взгляд и начал поворачиваться в сторону Алексея. И сразу же Чижев начал движение. Для него время моментально замедлилось. Он вдохнул только один раз, и переполненный адреналином организм временно прекратил подачу кислорода в легкие. Правой ногой Алексей ступил вправо, чтобы обойти угол, и с широким шагом влево быстро сократил расстояние до плечистого. Он сознательно смотрел прямо на задницу здорового амбала, на его вытертые джинсы. Такой взгляд в середину туловища позволяет успешно контролировать все движения рук и ног одновременно, чему учили Алексея еще на занятиях по рукопашке в армии. Еще шаг, и сутулый, успокоенный опущенными глазами Чижева, только открыл рот, чтобы сказать что-то вроде «Пошел отсюда, ссыкун херов», как Алексей, плотно обхватив левый кулак правой ладонью, начал разворачиваться для удара.

Это только благородные рыцари не нападают сзади. На самом деле наша суровая жизнь далека от условностей честного боя. Чижев ударил двумя руками сверху слева и сзади в мускулистую шею здоровяка, как колуном. И тот моментально опрокинулся вперед, и пистолет вылетел из его расслабленной руки в пыльную траву. На Рамазана, застывшего как истукан метрах в двух от него, бывший сослуживец даже не посмотрел. Времени не было. Хорошо ударив и убедившись, что амбал уже летит головой вперед, Алексей подправил равновесие, перенес вес тела на правую ногу и левой, обутой в полуботинок, от души заехал сбоку по дуге прямо в низ живота сутулого напарника. Тот был легче своего друга и поэтому отлетел назад, закрывая ушибленное место руками; упал на задницу, свел вместе ноги и утробно застонал, катаясь по земле. Внезапность нападения сделала свое дело, и Чижеву даже не пришлось защищаться.

Секунду сослуживцы смотрели друг на друга. Рамазан все еще был под впечатлением угрозы реальной смерти, и его расширенные глаза смотрели на Алексея, но пока не узнавали его. Его кулаки были судорожно сжаты, челюсти стиснуты, но стоял он прямо.

– Рамазан! – негромко крикнул Алексей и шагнул ближе. – Эй! Это я, Алексей из двенадцатой роты.

Он всмотрелся в глаза чеченца и понял, что тот наконец узнал его. Рамазан оторопело уставился на Чижева, потом перевел взгляд на начавшего шевелиться здоровяка.

– Валим отсюда, пока эти не очухались. – И Чижев потянул за рукав дорогой кожаной куртки.

– Леша, салам алейкум, – хриплым голосом медленно выговорил чеченец и полуобнял его за пояс правой рукой, здороваясь с ним по-вайнахски. Он еще не отошел от пережитого стресса.

– Да пойдем быстрее, потом поговорим! – и Алексей подтолкнул его в спину.

Надо было спешить, двое «братков» на земле уже начали проявлять признаки жизни, наверняка очухались, но подниматься на ноги пока не спешили, прислушиваясь к разговору. Калечить никого Чижев не хотел, поэтому он и торопился покинуть место скоротечной схватки.

Как только Рамазан сделал шаг, со стороны входа на базар хлестко, оглушительно ударили два выстрела. Потом еще два. «Пистолет, – привычно определил Алексей, ошеломленно крутя головой и прислушиваясь. – Только звук погромче. Но не автомат, это точно». Тогда он еще не слышал, как стреляет «ТТ», поэтому и не смог определить марку оружия. Чижев оглянулся на Рамазана. У того уже прошло оцепенение, глаза заблестели, лицо заледенело, он быстро нагнулся и поднял пистолет, выпавший из руки чернявого амбала. На базаре резко, истошно, в полной тишине вдруг закричала женщина, и этот крик как будто сдвинул с места множество людей. Разом закричало несколько голосов, послышался топот множества ног по утопанной земле, как будто стадо антилоп сдвинулось с места, спасаясь от увиденного ими хищника. Началась паника.

– Уходи, – резко махнув рукой, приказал Рамазан Алексею и с оружием в руках повернулся к двум «браткам» Якоря. Он взвел курок и направил ствол на здорового амбала, который, не вставая, оперся на локти и с ужасом уставился на недавнюю жертву.

Чижов все понял. Началась разборка Якоря с чеченцами, и участвовать в ней, а также проявлять гуманизм и миролюбие Алексею как-то не хотелось, хотя он и смутно сознавал, что должен все-таки удержать Рамазана от убийства, но их дела его не касались. Он посмотрел еще раз на своего сослуживца по армии (тот непроизвольно слегка оскалил зубы и целился прямо в живот скованного ужасом крепыша, глаза его стали темными и бездонными), хлопнул Рамазана по плечу, прощаясь, и отступил на шаг.

Затем быстро повернулся и бегом бросился по тропинке, подсознательно боясь услышать выстрел. Но выстрелов он так и не услышал. «Обошлось, что ли...» – вздохнул он непроизвольно. Но оказалось, что радоваться было рано. Когда он вбежал в толпу мечущихся торговцев, суетливо закрывающих свои ларьки, со стороны туалета хлестко грохнуло два раза, потом еще один. «Добил, видимо, – пронеслось в голове Чиждова, когда он пробирался среди мечущихся китайцев, которые тревожно кричали что-то друг другу и толпились в проходах между рядами. – Этого кабана добил, точно, одной пули не хватило...»

Валеру он нашел там, где и договаривались. Тот стоял с мрачным лицом и безостановочно крутил головой, ища глазами Алексея. Он никуда не побежал и не поддался панике, хотя вокруг него суматошно крутился водоворот перепуганных людей.

– Ты где был? – зло и тревожно спросил Валера. – Я здесь офигел, когда начали стрелять, тебя все нет и нет, я уже не знал, что и думать. – Он перевел дыхание. – Товар взял, только сумки у этого хера в ларьке остались, хорошо хоть денег пока не заплатил, тебя ждал.

– Нормально все, в туалет ходил, – ответил Алексей, моментально сообразив, что сейчас контроль чеченцев на выходе снят и можно беспрепятственно выйти с рынка.

– Пошли товар заберем, а то закроется еще, перетрусит.

Обойдя милицейский «уазик» возле ворот и кинув беглый взгляд на два неподвижных тела («Вот и чеченцев положили», – сказал вполголоса Алексей, кивая головой в ту сторону), лежавшие в пыли прямо в центре входного пятка (возле них бестолково суетились два человека в милицейской форме: один из них неумело пытался делать искусственное дыхание, второй что-то кричал в трещащую рацию, глядя безумными глазами на пробежавших мимо людей), друзья торопливо зашагали на поселковый автовокзал, сгибаясь под тяжестью сумок, набитых кожаными куртками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.